

Сергей Платов

Дружина специального назначения

Мы не банда! Мы – дружина!

Сергей Платов
Дружина специального
назначения
Серия «Дружина специального
назначения», книга 1

*<http://www.fenzin.org>
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=139404
Дружина специального назначения: АРМАДА: «Издательство Альфа-
книга»; М.; 2006
ISBN 5-93556-664-8*

Аннотация

Вы до сих пор считаете, что все братки злобные и недалекие люди, а от чертей кроме пакостей ничего не дождешься? Тогда вам просто необходимо познакомиться с Илюхой Солнцевским и чертом Изей. Именно эти два друга, попавшие в результате банального ДТП в средневековый Киев, перевернули жизнь древнего города вверх дном. Прибавим к этому дуэту очаровательную мелкоуголовную личность Злодейки-Соловейки Любавы, маленького трехголового Змееныша-Гореныша Мотю – и получим «Дружину специального назначения» великого князя Берендея. Этому удивительному квартету по зубам все самые

безнадежные и тупиковые ситуации, которые они виртуозно разрешают благодаря своему нестандартному подходу!

Содержание

Действующие лица:	5
* * *	27
* * *	45
* * *	66
* * *	70
* * *	85
* * *	87
* * *	91
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Сергей Платов

Дружина специального назначения

Действующие лица:

Илюша Солнцевский – московский браток, бывший чемпион по борьбе, а ныне старший богатырь средневековой киевской дружины.

Изя – черт, простой украинский черт. Характер вредный и пакостный. Великий авантюрист и финансист в одном флаконе.

Злодейка-Соловейка Любава – купеческая дочка, под влиянием обстоятельств вставшая временно на кривую дорожку преступности. Замечательно готовит и не менее впечатляюще свистит.

Змееньши-Гореньши Мотя – маленький, несчастный трехголовый змей. Но со временем это пройдет, ведь все Горынычи когда-то были маленькие.

Князь Берендей – действующий правитель Киевской Руси. Вполне мог бы называться Великим, если бы вдруг во всем государстве исчезли красивые девушки и крепкие горячительные напитки. Как известно, и на солнце бывают пятна.

Княгиня Агриппина – права сурового, рукою тяжела. Была бы, несомненно, счастливой женщиной, если бы послала своего благоверного куда подальше. Что поделаешь, любовь к собственному мужу не такая уж редкость, как может показаться с первого взгляда.

Княжна Сусанна – хоть девочка созрела, да замуж не берут. Сварлива и капризна. О внешности княжеской дочки можно говорить или хорошо, или ничего. Поэтому больше добавить нечего.

Дьячок Микишка – толмач и секретарь Берендея. Характер вредный и противный, однако продолжительной службой при дворе заслужил некое подобие права голоса.

Воевода Севастъян Филиппович – честный служака. На таких людях во все времена держится государство. Но в отличие от современности в древние времена это умели ценить.

Князь Галицкий Вилорий – «Жениться по любви не может ни один, ни один король», – когда-то давно и удивительно точно поведала наша примадонна. Справедливости ради надо только заметить, что к князьям это тоже относится в полной мере.

Кузнец Захар – не оскудела талантами земля Русская. И Захар лучшее тому подтверждение.

Домовой Феофан – старый, сварливый, мудрый домовой.

Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович – знаменитые былинные богатыри, тут больше и не скажешь. Только вот кто сказал, что они должны быть начисто лише-

ны простых человеческих слабостей?

Мартын Лихосватский – тоже вполне реальный богатырь, но по странному стечению обстоятельств почему-то в былины не попал.

Действие происходит в стародавние времена, когда Русь еще не поделилась на Великую, Белую и Малую, а люди были искреннее и терпимее друг к другу.

Черный «паджеро» несся по ночному шоссе. Сзади остались последние огни столицы самой суверенной на свете Украины. Конечно, по уму надо было дожидаться утра, но, с другой стороны, раньше сядешь, раньше... Тьфу, тьфу, тьфу, чтобы не накаркать. Раньше выйдешь, раньше приедешь. Вот так-то лучше.

Все вопросы с киевскими братками уже перетерты, проблемы решены, недоразумения улажены, так чего же рассиживаться. А что касается классических развлечений типа саун с эксклюзивным тайским массажем и ресторанов с не менее эксклюзивной традиционной украинской кухней с неизменной горилкой (ох и хороша чертовка!), так этого добра и в Москве завалилось. Да и надоели все эти протокольные мероприятия хуже горькой редьки. Но тут уж ничего не поделаешь, как говорил один из героев знаменитого фильма – «национальная традиция...». И хотя за последние годы много изменилось и некоторые вопросы стали решаться в кабинетах, а не в банях, правило непременно обмывания

достигнутых договоренностей обильным количеством сорокоградусных напитков в близлежащих кабаках было до сих пор незыблемо.

Но теперь все было уже позади. Исполнив последние формальности, Илюха из команды солнцевских без тени сожаления влез в свой гробоподобный джип с твердым намерением следующую ночь спать в своей собственной кровати в уютном коттедже недалеко от Москвы.

Солнцевские... Как много в этом звуке! И хотя уже давно этот район Москвы перестал быть центром криминальной жизни столицы, который переместился поближе к Кремлю, само понятие осталось.

Илья, бывший чемпион Советского Союза по греко-римской борьбе среди юниоров, был не последним человеком в системе, хотя и отличался от своих коллег врожденным миролюбием. Дело тут было в том, что он пришел в команду не по идейным соображениям и не от отсутствия денег, а больше за компанию. Жить в Солнцева, быть реальным спортсменом и не поддаваться влиянию друзей в те сложные времена было практически невозможно. Вот так и оказался Илюха среди братвы.

Миролюбивый браток с пудовыми кулаками и шеей диаметром с небольшой фонарный столб. Такого не бывает, скептически скажете вы. Бывает, еще и не такое бывает!

Ну пацифистом Илюху нельзя назвать даже с большой натяжкой, как-никак специфика службы, но и отморозком он

никогда не был. Просто всегда вначале пытался с усердием разругать ситуацию, а уж если не выходило, то в ход шли кулаки и стволы. Хотя кулаки были куда привычнее для бывшего чемпиона.

Именно поэтому, зная характер Илюхи, ему поручали самые сложные дела. И все твердо знали, что уж если он не смог решить ситуацию по-мирному, то это уже не удастся никому.

Вот и сейчас Илюха уладил все спорные моменты с украинскими коллегами вполне полюбовно. Сломанный нос и выбитые передние зубы двух слишком борзых шестерок во время одной из пьянок в киевском ресторане в счет не идут. Они сами виноваты, выпили лишку и давай языками молоть про поганых москалей и тупых кацапов. Откуда им было знать, что единственное, чего мирный Илюха категорически не приемлет в своей жизни, так это беспричинное хамство. Ну ничего, впредь будут следить за своим языком.

Именно мысли о странных метаморфозах, произошедших в головах жителей некогда одной страны, сейчас кружились в короткостриженной голове Илюхи.

– Суверенная Украина, независимая Россия, – бухтел Солнцевский. – Кто от кого зависит, кто от кого не зависит, теперь уж совсем не разберешь. С одной стороны, я еще в школе учил, что Киев – отец городов русских и вроде как даже страна была Киевская Русь, а сейчас чего? Да ничего, сейчас Киев и Россия вещи несовместимые, а жаль, город

очень мне нравится.

Внезапный удар вывел бывшего чемпиона из этих дум, противно взвизгнули покрышки от резкого торможения.

– Е... Е... Е...ать! – смачно выругался Илюха и заглушил мотор. – Еще не хватало в степях независимой Украины джип раздолбать!

Хлопнув с досады дверцей значительно сильнее, чем следовало, и покривившись от стога импортного железа в ответ на этот акт вандализма, он подошел к капоту и внимательно начал его осматривать, благо свет фар позволял это сделать. Массивный «кенгурятник» не подвел, машина оказалась целой.

– Ну и че за хохол тут в самоубийцу решил поиграть, да не нашел ничего лучше, как под колеса прыгнуть? – буркнул Илюха и, предварительно достав из бардачка мощный фонарь, направился искать того, кого он сбил.

Метров через сорок луч света выхватил лежащую на шоссе волосатую фигуру.

– Медведь, что ли? – спросил сам у себя незадачливый водитель и сам же себе ответил: – Не, медведи, они больше, баран, наверное.

Илюха подошел поближе и осторожно толкнул носком ботинка волосатую массу. Что-то цокнуло по асфальту. Илья осветил то место, откуда раздался звук и уперся взглядом в блестящие при свете фонаря копыта.

– Точно, баран. Ну тогда ничего, будет вечерком на даче

шашлычок из свежей баранины.

Могучая рука перевернула тушу. В таком виде баран не очень-то походил на барана. Рога оказались длинные и чуть изогнутые.

– Так ты, наверное, козел! – догадался Илья, но тут же почесал себе затылок. – Интересно, а из козлов можно делать шашлык? А, с другой стороны, почему нет? Если козел молодой, то мясо будет нежным. Интересно, а ты молодой? Судя по рогам, наверное, нет. Эх, жалко, обломался шашлычок. Старые козлы никому не нужны, ни живые, ни мертвые. Выходит, зря смерть безвременную принял. Надо хотя бы с дороги стащить, чтобы никто не покалечился.

Илюха вздохнул, взялся за рога и потянул козла к обочине. Что-то тут было не так. Станный какой-то козлина, вместо носа пяточок, как у свиньи, да и хвост, украшенный почти львиной кисточкой, несколько длинноват. Хотя Чернобыль, мутации, то да се...

Наконец дело было сделано, козел-мутант с пяточком и длинным хвостом был перемещен с дороги к небольшому лесочку, растущему у обочины.

Илюха отряхнул руки, тяжело вздохнул, перекрестился (живую душу погубил все-таки) и собрался было вернуться к машине, как вдруг покойный открыл глаза. Желтые такие, чистые глаза. Дальше пошел вообще беспредел: покойник потряс башкой, пробурчал что-то непонятное, сел и уставился на своего убийцу.

– Ты чего, ошалел, с такой скоростью ездить?

– Это ты мне? – едва выдавил из себя Илюха.

Ну конечно, чего скрывать, у него были в жизни моменты общения и с потенциальными трупами, и со свежееиспеченными, да и сам в смутные времена не раз выписывал путевки на тот свет, но с такой наглостью встречался впервые.

– Конечно тебе, придурок! Машину купил, права купил, водить не купил, да? – Кряхтя, оживший лохматый тип при рогах и копытах с трудом поднялся с травы.

– Я что-то не понял, ты кого придурком назвал? – Илюхе было плевать, что рогатый вдруг ожил и заговорил на человеческом языке, такого прямого наезда он просто не мог стерпеть.

– Да тебя, кого же еще! – Желтые глаза налились холодным блеском. – И нет, чтобы первую помощь оказать, к примеру, искусственное дыхание рот в рот. Так нет, он решил меня в лесочек отволочь да и бросить тут! Придурок и есть!

– Слышь, ты, козел! – не по-детски завелся Илюха.

Еще не хватало, чтобы волосатая говорящая тварь ему тут хамила в лицо.

– Это кто козел?! – Рогатый тоже был вне себя от гнева.

– Да ты даже на козла-то не похож!

– Это я-то не похож?!

– Рога поотшибаю!

– Что, по сопатке захотел?!

Больше таких оскорблений Илюха вытерпеть не смог:

огромный кулак просвистел в воздухе и встретился с черным, чуть мокрым свинячим пяточком на наглой морде задавленного существа. Рогатый заревел от боли, и на Илюху посыпались яростные удары волосатых крепких рук и копыт. Больно, блин!

Дальше странная драка продолжалась с переменным успехом. Хвостатый, оказавшийся достойным бойцом, яростно сопротивлялся закаленному в стрелках и разборках братку.

Пару раз копыта с характерным звуком, минуя защиту Солнцевского, врезали ему по скуле и по носу. Илюха от такого вероломства законно осерчал и, увернувшись еще от одного коварного удара, поймал соперника за рога.

Взвыли дерущиеся одновременно: Илюха от напряжения, пытаясь сломать рога, а собеседник, в свою очередь, от яростного неприятия данной процедуры. Стальные мышцы бывшего борца не подвели. В чистом ночном воздухе звук сломавшегося рога был похож на выстрел.

Потасовка прекратилась сама собой. Илюха утер рукавом пиджака от Версачи стекающую из разбитого носа кровь и с некоторым удивлением смотрел на отломанный кусок рога в своей ладони. Копытообразный же стоял напротив братка и тоже с удивлением смотрел на осколок своей плоти в его руках.

Вдруг налетел порыв ветра, что-то неожиданно хлопнуло, и мир вокруг изменился. Вроде все было так же, но при этом совсем не так. И воздух как-то свежее, и деревья побольше,

да и силуэт джипа неподалеку растворился в темноте.

Первым из оцепенения вышел именно черт.

– Точно, ты не придурок, – повертев пальцем у виска, сказал он. – Ты полный дурак!

– Че ты сказал? – больше для соблюдения имиджа прогундел Илюха.

– Шо слышал! Вначале сбивает на своем катафалке ни в чем не повинного черта, а потом вообще начинает быковать и ломает ему рог. Получи теперь гостинец на именины!

С некоторым запозданием до Илюхи начало доходить.

– Так ты черт?

– Пингвин, е...ть. – Далее последовала заковыристая фраза на абсолютно нецензурном диалекте.

– Погоди, я что-то не понял, что, собственно, произошло.

– Блин, столько нормальных людей вокруг, а мне дебил с килограммом золота на шее попался.

Илюха тут же шмыгнул разбитым носом и спокойно предупредил.

– Сейчас и второй рог сломаю.

– Ишь, обиделся он! Между прочим, это мне обижаться на тебя надо. Ты меня сбил, избил, рог сломал. Что, мало тебе?

– Ну так ты это, сам виноват. Чего под колеса-то полез?

– Это я-то полез?! Да я мирно шел по обочине и на звезды любовался, а тут ты!

– Ну ладно, ладно, не заводись опять, – примирительно пробасил Илюха. – Ну типа, извини.

– Извинения на хлеб не намажешь, – недовольно заметил черт и резким движением вырвал кусок своего рога из рук обидчика. – Всю мою красоту порушил... А может, у меня сегодня свидание было назначено? Кому я теперь с одним рогом нужен? Да и материальную сторону ущерба от дорожно-транспортного происшествия неплохо было бы обсудить.

– Платить не отказываюсь, а рога для мужчины, между прочим, не самое главное, – справедливо заметил Солнцевский.

– Это смотря для кого, – буркнул черт, но уже значительно более спокойным тоном. – Ладно, новые отрастут, ну а сумму я тебе попозже назову, с учетом морального ущерба, конечно, и упущенной выгоды.

Илюха заметно покривился, но спорить не стал.

– Слушай, а разве черти бывают? – робко поинтересовался бывший борец.

– Здравсьте вам, приехали. Конечно, бывают!

– Я думал, только в сказках.

– Ты чего, бывший спортсмен, что ли? Плоховато соображаешь.

– Не хами.

– Точно, спортсмен. Ну тогда ладно небось часто по мордасам получал, и соображалки сильно поубавилось.

– Я, между прочим, борец, – гордо заметил Илюха. – Греко-римский!

– Ага, значит головой о маты часто били. Ну что же,

исключительно из-за бывших спортивных травм расскажу. Слышь, распальцованный, ты в Бога-то веруешь?

– Конечно! – абсолютно не задумываясь, ответил Илюша и сквозь разорванную рубашку поправил увесистый золотой крест на могучей груди.

– Значит, ты точно уверен, что Бог есть?

– Ну так.

– Так почему же ты сомневаешься в наличии чертей? Ведь одного без другого не бывает.

– Э-э-э... – протянул Солнцевский.

Черт закатил желтые глаза:

– Ты действительно такой тупой или прикидываешься?

– Не терплю хамства, рискуешь потерять и второй рог, – спокойно заметил Илюха, незлобно сжал кулак и продемонстрировал его черту.

– Рискни, тогда уж точно провалимся к мамонтам.

– Не понял.

– Че ты опять не понял? Неужели не заметил, что вместо чахленьких елочек вокруг сосны в два обхвата, а джипчик твой вместе с асфальтом вдруг растворился?

Илюха с ужасом огляделся.

Джип действительно исчез, как и вполне сносная дорога в четыре полосы.

– Если это ты свистнул джип, то обломанными рогами не отделаешься, – сурово предупредил Солнцевский.

– Крепко тебе об маты голову отбили. Я же с тобой все

это время был! Да и на фига мне твой джип?

– Джип всегда в хозяйстве сгодится, а свистнули его небось твои подельники.

– Ага, и асфальт в рулон скатали и унесли, – съязвил черт. – Глаза разуй, лишенец!

Вокруг действительно все было как-то не так. Криво как-то или, наоборот, более правильно, чем обычно. Воздух чище, трава зеленее и рассвет начинался явно раньше, чем всегда.

– Где мы, а?

– Где, где... в Караганде! Раньше надо было думать, прежде чем рога законопослушным чертям ломать.

– Да рога-то тут твои при чем?

– При том, ушибленный. Рога для нас очень важный орган.

– Всегда предпочитал обходиться без них, – хмыкнул Илья.

– Не путай человека с чертом, – назидательно заметила парнокопытная нечисть. – Мне продолжать, или будем соревноваться в остроумии?

– Продолжай.

– Ладно, короткий вариант исключительно для бывшего спортсмена. Отломав мой рог, ты вернул меня в то время, когда я, собственно, родился. А так как ты, Геракл сушеный, держал кусок рога в своих руках, то отправился вместе со мной.

– Куда?

– Ни капли не сомневался, что ты задашь этот вопрос. Ты сегодня хоть немного начнешь шевелить мозгами или мне разжевывать каждое свое слово?

– погоди, – пропустив мимо ушей очередное хамство, встрепенулся Илюха. – Дай сообразить, а сколько тебе лет? Сто, двести?

– Лично мне, в тот момент, когда наглый московский тип в красном пиджаке переехал меня на своей уродской машине, а после избил до полусмерти с нанесением тяжких телесных увечий...

– Ты чего, дальтоник, у меня не красный пиджак, – возмущился Солнцевский. – Красные я уже лет пять как не носил!

– Так вот, когда меня сбил грубиян...

– Сто или двести?

Черт ехидно захихикал:

– Значительно больше.

– Триста? – с некоторой мольбой в голосе спросил Илюха.

– Еще больше... По истории в школе небось тройка была? Впрочем, о чем это я спрашиваю? Тебе такое сочетание слов, как Киевская Русь ни о чем не говорит?

– Киевская?

– Киевская, Киевская. Москва сейчас раскинулась во всей своей красе на берегу живописной речки всеми своими десятую домами и на столицу никак не тянет. Ты уж извини меня, если задел твои великодержавные эмоции.

– Так сейчас примерно тысяча сто...

– Ну да, примерно так.

– Какой кошмар! – схватился за голову Илюха. – Этого просто не может быть!

– Может, еще как может! – ехидненько заметил черт. – Ты ничего не понимаешь, чумовое время! Князья, витязи, богатыри, молодухи, черти, домовые, лешие, даже Змеи Горынычи иногда появляются.

– Какие Горынычи? Это же сказки.

– Ха, ха, ха! Я что, тоже сказка? То-то же. Все есть, все живы, здоровы и неплохо сосуществуют вместе. Конечно, золотой век уже прошел и после крещения Руси нашего брата изрядно поприжали, но до ухода в подполье еще очень далеко. Просто рай земной!

– Странные слова из уст нечисти, – заметил еще не отошедший от первоначального шока Илюха.

– Знаешь, я вне игры. Нас в двадцать первом веке осталось так мало, что борьба добра со злом у нас временно приостановлена. Нет, конечно, самые ярые и крутые до сих пор, типа, сражаются и доказывают свою правоту, но подавляющее большинство нечисти живет тихо и мирно. Тем более что самый большой враг человека, это сам человек.

– А где живете? По лесам, что ли, прячетесь?

– Кому где нравится, для нас это не проблема, – спокойно заметил черт и вдруг в одно мгновение превратился в разухабистого молодца в красной косоворотке и картузе, лихо

заломленном набекрень.

– Ну что, так я тебе больше нравлюсь?

Удивляться Илюха устал, так что принял преобразование рогатого как должное.

– Да мне как-то все равно.

– Ну коли все равно, так я немного в чем мать родила посижу, – сострил черт и принял свой натуральный облик.

– И что, ты живешь в таком виде среди людей?

– Ну в общем да. У меня под Киевом особнячок, бизнес налаженный, друзья, знакомые, да и счета в нескольких банках вполне солидные. Есть, конечно, некоторые ограничения. Там в зеркало на людях лучше не смотреться, на святой земле появляться нельзя, а то копыта откину, причем в прямом, а не в переносном смысле. Еще священники сквозь морок свободно видят и норовят святой водой опрыскать, а она жжется страсть как.

– Это все?

– Почти. Какой бы морок ни наводили, рога совсем спрятать никак не удастся. Хоть немножко, но обязательно торчать будут, так что приходится в шапках ходить.

– Но это не смертельно.

– Ну типа, да.

Илюха вздохнул, но тут что-то вспомнил и яростно стал шарить у себя по карманам. Наконец из кармана потрепанного пиджака на свет появилась внушительная плоская фляга. При виде ее глаза черта вспыхнули так, что вокруг стало

светлее.

– Слушай, может, нам чисто по глоточку тяпнуть, так сказать, за знакомство? Ну и стресс снять, конечно, – предложил Солнцевский, на которого разом свалилось слишком много нового.

Черт отчетливо сглотнул, но промолчал.

– Ну я действительно виноват перед тобой, сбил, потом рог сломал. Извини меня, а?

– Уговорил, окаянный, – с этими словами рогатый принял фляжку из рук человека.

Конечно, одним глотком не обошлось. Минут через десять московский браток и киевский черт уже спокойненько болтали, сидя на травке, прислонившись спинами к огромной сосне.

Как известно, ничто так не сближает двух мужчин, как полная фляжка особой шестидесятиградусной горилки, заботливо подаренная в дорогу украинскими коллегами.

– Так ты простил меня за сломанный рог? – уже чисто для приличия спрашивал Илюха своего собутыльника.

– Фигня-вопрос. Еще бабулек зашлешь, так вообще тип-топ будет. А ты меня за то, что я тебе копытом по носу съездил?

– А то! Ты где так махать научился, небось боксом занимался?

– Мастерство не пропьешь и не купишь. Не забывай, сколько мне лет, натренировался за годы. А боксом мне за-

ниматься было нельзя, там же кругом зеркала.

– Подрались, побратались, выпили вместе, а до сих пор не познакомились, – заметил Илюха, делая очередной большой глоток. – Меня зовут Илья.

– Меня Изя.

Илюха чуть не подавился очередным глотком.

– Ты чего, еврей?

– Ты чего, сбрендил, какой я еврей? Я же черт!

– Ну и что?

– Как что? – возмутился черт. – Где ты видел чертей-евреев?

– Нигде. Я до сегодняшней ночи чертей вообще не видел.

Ну разве только когда очень сильно перебирал.

– Вот и не болтай лишнего. Что я могу поделывать, если меня так мама с папой называли?

– Да ладно, не комплексуй, мне по барабану. Изя так Изя.

– Ну и отлично. А чем тебе, собственно, евреи-то не угодили?

– Не знаю, – честно ответил Илюха, почесав затылок. – Но все-таки хорошо, что ты не из них.

Ошалелый Изя пробормотал что-то себе под нос, но продолжать дискуссию не стал. Следующие минут пять собутельники сидели молча, только время от времени прикладываясь к фляге. Ее содержимого осталось немного, так что они растягивали удовольствие.

Стресс был успешно побежден, и настало время поставить

точки над «и». Для такого случая Солнцевский даже встал.

– Ладно, все это, конечно, хорошо, но пора домой возвращаться.

Изя снизу вверх взглянул на нового знакомого и только презрительно хмыкнул.

– Назад поехали, говорю, – продолжал настаивать Илюха. – В гостях, конечно, хорошо, а дома лучше. Предлагаю отметить наше приключение в каком-нибудь кабаке. Так и быть, ради такого случая задержусь здесь на пару деньков.

Черт обхватил голову руками и тихо застонал:

– Ты что, до сих пор ничего не понял?

– Что тут понимать-то? Давай, крути свою машину времени назад.

– Слушай, вроде машиной переехали меня, а соображалка отключилась у тебя, – абсолютно спокойно заметил черт. – Где ты тут машину времени видишь? Сломанный рог – это билет в один конец!

– Что ты сказал?! – взревел Илюха.

– От того, что будешь надо мной нависать, все равно ничего не изменится. На-ка вот, хлебни и успокойся, – ответил Изя и протянул Илюхе его собственную флягу.

– Да как я могу успокоиться? Мне же в Москву надо!

– В следующий раз не будешь варешку за рулем разевать.

– Слушай, а ты не боишься, что я тебя прибую?

– Нет, не боюсь, – совершенно равнодушно ответил Изя.

– Это почему это? – даже немного обиделся Солнцевский.

– Ну во-первых, это не твой стиль, а во-вторых, ты тут без меня и недели не протянешь.

– Не мой стиль, не мой стиль... – пробурчал себе под нос Илюха. – Ну да, не мой.

Он опять уселся рядом с чертом и сделал пару больших глотков горилки. Дальше минут десять оба сидели абсолютно молча, думая каждый о своем.

– Так чего делать-то будем? – нарушил тишину Илья.

– Черт его знает! – честно признался Изя.

– Ну вот, знаешь и молчишь.

– Да не знаю я! – воскликнул черт. – Лично я в свое далекое прошлое отправляться не собирался, так что пути возвращения не прорабатывал.

Тут Солнцевский нахмурился, но скандалить уже не стал.

– И что, нет никакого выхода?

– Выход всегда есть, – философски заметил Изя. – Надо поговорить с коллегами, порасспросить знающих чертей, колдунов, может, чего и придумаем. А пока будем считать, что это у нас эксклюзивный туристический тур по историческим местам.

От такой перспективы Илюха даже крякнул. Однако, поразмыслив немного и осознав, что другой перспективы не просматривается, Солнцевский перешел к практической части намеченного плана.

– Да нас тут заметут в момент.

– Может, заметут, а может, и нет, – делая очередной гло-

ток из фляги, продолжал философствовать Изя. – Чай, не на другой планете, выкрутимся. Россия, она и в двенадцатом веке Россия. Только называется по-другому, да народец в ней живет попроще. Ну а ответ на вопрос, чего нам дальше делать, очевиден при всем кажущемся многообразии. Как ни крути, а в лесу мы долго не протянем, так что надо к обжитым местам поближе перебираться. Да и чертей путевых мы только в Киеве сможем разыскать. В любом случае других перспектив вернуться я не вижу.

– А как же ты...

– А вот так! – не дослушал черт и принял уже знакомый облик молодого парня в картузе.

– Чего такой молодой? Выглядишь как пацан, несерьезно это как-то.

– Еще как серьезно. Ты у нас большой и заметный, тебя уже не переделаешь, будешь оттягивать на себя внимание. А мне желательно быть незаметным. Не забывай, священники меня насквозь видят.

– Ну тебе видней. Лично мне священников бояться нечего, – довольно хмыкнул Илюха и указал на золотой крест на груди.

– Думаю, что таких крестов тут даже у князя нет.

– Вот у князя нет, а у меня есть. Ладно, рассвело уже, раз решили, чего зря рассиживаться, потопали назад к хохлам.

– Нет здесь никаких хохлов, – устало заметил Изя, вставая с травки и отряхивая шерсть. – Русские в основном.

– А евреи?

– Тьфу ты. Дались тебе эти евреи.

Вот так, под напором не зависящих друг от друга обстоятельств, в одной упряжке оказались на первый взгляд совершенно несовместимые личности. Русский браток и украинский черт.

Но ведь абсолютных случайностей в жизни не бывает, и кто знает, может, банальное дорожно-транспортное происшествие на загородном шоссе приведет к каким-то важным или даже, не побоюсь этого слова, историческим событиям. Что ни говори, но то время, в котором оказались наши герои, самой историей и является.

Путь оказался неблизким. Как ни рассуждай о преимуществах пеших прогулок, а машина вещь в хозяйстве, безусловно, полезная. Да и дорога, выглядевшая в начале двадцать первого века вполне приличной, оказалась изрядно заросшим проселком.

Утренний ветерок довольно быстро выветрил из головы хмель, а для трезвого разговора время еще не пришло. Трудно, понимаете ли, так сразу найти тему для беседы черту и человеку в далекие, почти сказочные времена.

Несмотря на ночное происшествие, настроение у Изи было неплохое. Бизнес в Киеве, Харькове и Одессе был налажен настолько четко, что прямого присутствия хозяина не требовалось, а далекое путешествие в прошлое сулило баснословные барыши.

Изя морщил лоб, почесывал пяточок и прикидывал в уме, какой навар можно снять, если затариться на исторической и временной родине всякими золотыми побрякушками, посудой, оружием и перетащить все это в двадцать первый век. Да за такой антиквариат можно получить бешеные деньги. Тем более при условии, что состояние этих вещичек будет просто идеальным. А если еще уговорить Илюху захватить с собой десятка три икон, то...

Уф, у черта даже в глазах зарябило от количества нулей в

сумме предполагаемой прибыли. Жаль, что придется идеей с братком делиться, ведь к христианской иконе черт даже близко подойти не сможет, так что без помощи спортсмена не обойтись.

«Ну и ладно, дам ему процентов десять со сделки, и будет с него, – разговаривал сам с собой расчетливый черт. – Эх да ладно, чего там мелочиться, даже пятнадцать! Пусть знает мою доброту. Может, даже я с него не буду требовать возмещения морального ущерба за причиненные неудобства и сломанный рог. Хотя нет! Это уже чересчур, доброта меня когда-нибудь погубит».

Особых волнений по поводу отправки домой у Изи не было. В древности магия и колдовство были развиты достаточно сильно, так что наверняка найдется какой-нибудь способ вернуться назад. План предстоящих действий был максимально прост: прибыть в город, обустроиться, порасспросить местных чертей, добыть денег для скупки будущего антиквариата и для платы за проезд во времени (в благотворительность своих коллег он верил мало).

Предстоящие роли Изя уже давно распределил. Он как мозговой центр их маленькой компании займется общением с рогатыми родственниками, а Илюха как ее мышечная составляющая займется зарабатыванием начального капитала для предстоящих сделок. Но посвящать Солнцевского в свои намерения черт пока не собирался, придет время и для этого.

От этих мыслей и без того сносное настроение черта еще больше улучшилось. Он даже стал насвистывать новомодный попсовый хит какой-то левенькой киевский группы.

Илюха покосился на повеселевшего спутника, хмыкнул и молча продолжил путь. У него в отличие от черта такому хорошему настроению взяться было неоткуда. В одно мгновение оказаться за несколько веков от своей нормальной жизни – это испытание не для слабонервных. Хорошо еще, что эти самые нервы у него были как канаты. Как ни крути, но, похоже, он застрял здесь надолго, и, хочешь не хочешь, придется приспособливаться к новым реалиям. Ну и, конечно, требить однорогого спутника на предмет ускорения процесса возвращения назад.

Покумекав еще немного над сложившейся ситуацией, Солнцевский справедливо рассудил, что в данный момент лично от него ничего не зависит, и самое мудрое, как ни странно, будет просто плыть по течению.

Спустя час дорога сделала небольшой круг, и спутники уперлись в большой камень, лежащий на развилке. Как и следовало ожидать, на камне была витиеватая надпись. Изя напругся и начал разбирать древнеславянские буквы.

Через некоторое время Илюха ехидно любопытствовал:

– Что же ты на своем историческом языке пару строк прочитать не можешь?

– Сам попробуй, если такой умный! – огрызнулся Изя, но было заметно, что он недоволен собой.

Наконец черт справился с задачей, вытер пот со лба и торжественно изрек:

– Если в двух словах, то «направо короче, зато налево быстрее».

– Это все? – хмыкнул Солнцевский.

– Остальное неважно, – важно заявил Изя.

– Ну раз так, пойдем, где короче, значит, направо.

– Так налево быстрее!

– Слышь, Изя, не бухти. Просто грамотей вроде тебя писал и все перепутал. Ну ты сам посуди, если дорога короче, то и пройти ее мы сможем быстрее.

Черт открыл было рот с твердым намерением высказать все, что он думает об Илюхе и его умственных способностях, но бывший борец привел весомый аргумент в защиту своей позиции.

– Надо быстрее к жилью выбираться, очень уж есть охота. Не знаю, как ты, но я на голодный желудок вообще ничего не соображаю.

– Можно подумать, что на сытый ты будешь соображать лучше, – буркнул себе под нос черт, но на этот раз спорить не стал.

Как ни крути, а логика в словах спутника на этот раз была.

Некоторое время шли молча, но такое положение вещей никак не устраивало говорливого черта.

– Слушай, а чего тебя занесло в Украину?

– На Украину меня занесли дела, – с нажимом на первое

слово хмыкнул браток.

Изя открыл было рот, чтобы основательно пройтись по великороссийскому шовинизму, но не успел. Их оглушил пронзительный свист. Звук был настолько сильным, что хрупкий Изя быстренько хлопнулся в обморок. Значительно более крепкий Илюха закачался, зажал уши руками и выстоял. Пронзительный свист прекратился так же неожиданно, как и начался.

Илюха еще немного постоял с зажатыми ушами, потом потряхнул головой и внимательно огляделся по сторонам. Развалившись на придорожной травке Изя скромно напомнил о своей персоне, наигранно простонав.

– И какой паразит моего друга обидел? – с напускной суровостью пробасил Солнцевский и вдруг неожиданно бросился в густые заросли орешника.

Огромные габариты Илюхи запросто могли ввести в заблуждение тех, кто посчитал бы его очень неповоротливым, однако это впечатление было обманчивым. Спортсменов в Советском Союзе готовили очень качественно.

– Ну вот, я так и знал! – прокряхтел Изя, вставая с травки и на всякий случай накидывая на себя морок. – Этот тип, опять вместо того чтобы корректно привести меня в чувство, оказать первую медицинскую помощь, решил свалить, – продолжал ворчать сварливый черт, прислушиваясь, к жуткому треску, раздающемуся оттуда, куда рванул Илюха.

– С кабаном он там, что ли, наперегонки бегают? – буркнул

Изя и удобненько устроился на пеньке.

Между тем Илюха бегал наперегонки с небольшой серенькой личностью, причем у этой личности был вполне реальный шанс сбежать, но ей просто не повезло. Зацепившись за сук, серенький человечек растянулся и был настигнут. Борец моментально схватил его за шкуру и, не обращая внимания на возмущение в виде изысканной ругани с абсолютно неизвестными москвичу старославянскими оборотами и сравнениями, Илюха аж заслушался чудным монологом, усиленно пытаясь запомнить хотя бы самые яркие выражения.

Наконец он вытащил пленника на небольшую опушку, на которой, уже позевывая, расположился Изя.

– Тебя только за смертью посылать! Чего ты так долго с ним возился? – нагло заявил черт.

– Мог бы и помочь, между прочим.

– Ха, ты забыл, в каком плачевном состоянии ты меня оставил истекать кровью в дорожной пыли? Да я еле выжил! Если бы не мое богатырское здоровье, ты бы вообще мог обнаружить хладный труп. Ну-ка давай этого разбойника сюда, пусть ответ держит за свое коварство.

– Болтун, – в ответ бросил Илья и поднял мужичка над землей.

Тот, в свою очередь, опять смачно выругался и попытался еще раз свистнуть. Однако борец держал ситуацию под контролем и дал свистуну по рукам. Разбойник взвизгнул от боли и еще раз помянул мать Солнцевского нехорошими сло-

вами.

Илюха недовольно поморщился. Что-то в пойманном молодце было не так, а что – непонятно. То ли голос, то ли слова, которые этим самым странным голосом произносились.

Изя тоже с интересом смотрел на пленника. Видимо, за столько веков и он подрастерял некоторые знания не только старославянского языка, но и мата. Дождавшись завершения монолога, черт убрал улыбку со своего лица, напустил серьезный вид и очень важным голосом заговорил:

– Я попрошу обвиняемого впредь воздержаться от использования нецензурной речи. Итак, начнем наше разбирательство.

От такого начала Илюха чуть не упустил пленника.

– Изя, ты чего, очумел? У меня на судейских аллергия не меньше, чем на ментов!

Черт недовольно зыркнул на приятеля:

– Попрошу не мешать проведению дознания!

На этот раз негромко выругался уже Илья.

– Так на чем мы остановились? – протянул Изя, набрал побольше воздуха в легкие для вынесения обвинительного приговора, но был бесцеремонно прерван. Разочарованию черта не было предела.

– Здорово, мужики! – вмешался в обвинительную речь бас, оказавшийся не менее зычным, чем у Илюхи.

На опушку, запыхавшись, выбежал здоровенный бородастый детина, метра два ростом, в лаптях и огромной грубо-

тканой рубаше чуть ли не до колен.

– Здоровее видали, – хмыкнул под нос Илюха.

– Здрасьте, – прошипел Изя.

Детина между тем не понял иронии и продолжал:

– Поймали злодея? Ну вы и молодцы! Я вишь, как только свист услышал, сразу и побежал на помощь путникам, вам, стало быть. А вы и сами справились!

Изя с полным страдания видом закатил глаза.

– Меня зовут Илья, сам я из славного города Мурома, стало быть, я Илья Муромец. А вы кто будете?

Черт переглянулся с братком.

– Тот самый, который на печи три десятка лет сидел, что ли? – с недоверием поинтересовался борец.

– Что значит тот самый? Я такой один, – довольно хмыкнул детинушка. – Так как звать-то тебя, мил-человек?

– Так меня тоже Илюхой кличут, только я из солнцевских буду, так, значит, я Илья Солнцевский. А это Изя, мой дружба, – Илюха кивнул на вмиг погрустневшего черта. – Ты не думай, он не еврей, просто его так мама с папой назвали.

Изя за спиной что-то пробурчал про спорт, спортсменов и про удары по голове, но громко возмущаться явно не собирался.

– Почти тезки, стало быть, – довольно улыбнулся детина. – А я вот иду в стольный град Киев, богатырем в дружину на-ниматься. И вишь ты, не повезло – Соловья-разбойника не я встретил. Я бы его тоже споймал, снес его к князю, так ме-

сто в дружине было бы обеспечено. — Изя с Илюхой в очередной раз переглянулись. — Слышь, парень, а давай вместе в город пойдем, такого, как ты, в дружину точно примут, тем более после того, как ты Соловья-разбойника поймал. Только вот надо ему зубы повывивать, чтобы он больше никогда свистеть не смог.

— Гад! — проскрипел зубами пойманный. — Можешь делать со мной что хочешь, только я не Соловей-разбойник, а Злодейка-Соловейка! Запомни меня, бородатый, срок отмотаю, вернусь, тогда попляшешь!

Существо предприняло еще одну бесполезную попытку вырваться из стальных рук Солнцевского, но в процессе бесполезной борьбы с разбойника слетела шапка. Копна густых черных волос ту же упала на плечи.

— Ничего, без зубов-то небось не очень-то заозоруешь, — спокойно и ничуть не удивившись заявил Илья, тот, что Муромский.

Илюха, тот, что Солнцевский, встрепенулся:

— Погоди, тезка. Так это что, Соловей-разбойник — женщина?

— Да какая женщина, смотри сам, девчонка еще, но уже встала на кривую дорожку преступности. Вся округа о ней говорит. Она свистом вначале оглушает, а потом по карманам шарит.

— Вранье! — завопила горе-разбойница. — Я ни копейки ни у кого не взяла!

Солнцевский почесал затылок, явно не обращая внимания на оправдательные высказывания пленницы и рассуждая о чем-то своем. Наконец, приняв решение, выдал:

– Знаешь, с женщинами так поступать нехорошо. Она и так неказиста, а уж без зубов точно никому по сердцу не придется. У нас она ничего не взяла, дам ей подзатыльник, да и дело с концом.

– Требую не делать никаких различий между мной и мужчинами, – заверещала соловейная душа. – А замуж я вообще не собираюсь!

– Ну вот видишь, все в порядке. Она сама не против, – пожал плечами Муромец, нетерпеливо почесывая огромный кулак. – Ну так ты бить будешь или, может, мне позволишь?

– Знаешь, это все-таки как-то неправильно – девчонку калечить только за то, что она тебе на ухо свистнула, – пожал плечами Солнцевский. – От твоего удара она и окочуриться может.

– Значит, туда ей и дорога, одним разбойником меньше будет.

– Не по понятиям это, да и весовые категории у нас, мягко говоря, разные, – справедливо заметил Солнцевский. – Думаю, хорошего подзатыльника с нее будет достаточно.

– Тогда давай ее к князю отведем, там он ей головушку вмиг оттяпает. – Муромец никак не хотел разделить излишнюю с его точки зрения мягкотелость тезки.

Бывший борец нахмурился:

– Да ты за кого меня держишь? Чтобы я за грошовый гоп-стоп человека под вышку подвел да еще и виртухаям на руки сдал? Да ни в жизнь!

Детина нахмурился и сделал решительный шаг навстречу Солнцевскому, который продолжал держать за шкурку при-тихшую разбойницу.

– А не шпиен ли ты хазарский, мил-человек? Говоришь как-то странно, одежда на тебе бесовская, бороду не носишь, морда скобленая, да и разбойника пощадить хочешь.

– Я же говорил, что красный пиджак тебе не идет, вот и Илья Муромец это заметил, – тут же съязвил Изя.

– Я что-то не понял, ты предъявляешь? – не обращая внимания на язвительного черта, сквозь зубы пропыхтел Солнцевский.

– Да! – гордо заявил Муромский.

Изя тяжело вздохнул и осторожно потрогал распухший нос. Черт был сейчас в человеческом обличье, но разбитый Илюхой пяточок давал о себе знать и в этом теле. Хотя и знакомы они были совсем недавно, Изя вполне осознавал, что последует дальше. Предчувствия его не обманули.

Огромный кулачище Солнцевского просвистел в воздухе и закончил свой путь там, где под густой бородой у детины была челюсть.

– Ах ты так?! – взревел детина.

Солнцевский легким движением отправил Соловейку в полет в ближайший куст орешника (чтобы не мешала серьез-

ному мужскому разговору) и встретил чудесным апперкотом кинувшегося на него Муромского.

– Как дети малые, – скорбно покачал головой Изя и, в очередной раз вздохнув, отправился в заросли орешника искать горе-Икара.

Бросок Илюхи оказался не очень сильным, и уже метров через пять черт нашел причину выяснения отношений былинного богатыря и солнцевского братка. Особой жалости к Соловейке черт не испытывал (как-никак заставила его упасть в обморок и чуть не ограбила), поэтому просто поднял с земли и отряхнул.

По щекам Злодейки текли слезы в три ручья. Перед глазами Изии стояла просто испуганная, зареванная девчонка лет семнадцати от роду. От бывшей уверенности в себе и здоровой наглости не осталось и следа.

Черт в очередной раз тяжело вздохнул и отказался от задуманного плана требовать некоторую компенсацию причиненных неудобств у грабителя. Вместо этого он достал из кармана носовой платок и протянул его девушке:

– На, держи и помни доброту дяди Изии. А сейчас беги отсюда быстрее, а то мало ли как там еще дела сложатся, – буркнул вдруг ставший сентиментальным черт, резко обернулся назад и направился к резвящимся на свежем воздухе великовозрастным детинушкам.

Между тем, на поляне разворачивалась целая коррида. Муромский был чуток посильнее Солнцевского, но тот по-

движнее и с арсеналом борцовских штучек и примочек. То есть в смысле исконного испанского развлечения бородатый детина был явно быком, а браток однозначно тореадором. Через пару минут бык оказался повержен.

Илюха (тот, что Солнцевский) перевел бой в партер, а там, уверенно проведя простенький болевой прием, заставил Илюху (того, что Муромский) взвыть от боли.

– Сдаешься? – прохрипел победитель.

– Фигу тебе, – отозвался побежденный.

Бывший борец чуть посильнее надавил, и бородач взвыл от нестерпимой боли.

– Сдавайся, кому говорю. А не то не видать тебе княжеской дружины, как не видать Дженифер Лопес, принимающей душ.

– Кого? – скрипя зубами переспросил Муромский.

– Да неважно, просто она стоит того, чтобы ее увидеть в душе. Сдавайся, кому говорю, ведь руку сейчас сломаю!

– Сдаюсь, – прорычал будущий богатырь.

– Давно пора, – буркнул Илюха и с законной гордостью победителя поднялся с поверженного противника.

Детина, все еще кряхтя от боли, тоже не торопясь вставал на ноги.

– Меня еще никто побороть не мог.

– Всю жизнь любил быть первым.

– И что, там, в твоём Солнцева, все такие?

– Почти все, – хмыкнул Илюха, вспоминая своих. – Но

есть и посильнее. Ладно, не злился, я ведь перед уходом из большого спорта даже зэмээс успел получить.

Муромский поежился и отошел на пару шагов от него.

– А эта болезнь не заразная?

– Тьфу ты, еще накаркаешь. Это не болезнь, это звание «Заслуженный мастер спорта».

– Так ты из благородных, – присвистнул бородач.

– Ладно, держи пять, и все забудем. – Илюха протянул руку.

Тезка с удивлением посмотрел на протянутую ладонь и демонстративно заложил руки за спину. Илюха нахмурился и инстинктивно сжал кулаки.

– Не подам я тебе руки, мил-человек. Хоть ты и из благородных, а я лапоть муромский, но жать ладонь врагу земли Русской не буду!

Илюха аж оторопел от такого повторного наезда и, привычно насупившись, ринулся на обидчика. Чтобы какая-то деревня ему такие слова в лицо бросала? Да ни в жизнь! Спас положение Изя, выскочив, как чертик из коробочки (опять каламбур), и встав между спорщиками.

– Ша, гости дорогие. Поели, попили, так зачем же посуду бить?

– Да я его сейчас по асфальту размажу!

– Не получится, до первого асфальта лет восемьсот ждать осталось.

– А по фиг!.. Тогда по березе. – Илюха сделал еще шаг по

направлению к Муромскому, но черт оказался начеку.

– Ну покалечишь ты его, а кому от этого легче будет?

– Мне, – искренне ответил Илюха.

– Это конечно так, но княжеская дружина не получит своего лучшего богатыря, – пропыхтел черт, из последних сил сдерживая напор праведного гнева, прущего наружу из обиженного в лучших чувствах спортсмена.

– Какого еще богатыря? – буркнул Илюха и ослабил свои позиции.

– Блин, я и забыл, что тебе все растолковывать приходится.

– Не хами, а то и тебе достанется.

– Да ладно, ладно. Ты хоть не забыл, кого калечить собрался? Небось в детстве былины читал?

– Ну почитывал, так сказать, в пределах учебной программы, – сознался Илюха и, словно на уроке, монотонным голосом проговорил все, что ему вспомнилось про былинного богатыря. – Илья Муромец, защитник земли Русской и славный богатырь, натворивший немало подвигов, тридцать лет и три года просидел на печи, оклемался и пошел добро налево и направо творить, только успевай головы поверженных врагов собирать.

– Ну вот, можешь, когда захочешь! – обрадовался Изя. – Как ни крути, для страны человек полезный, а ты ему чуть руку не сломал.

– Хам трамвайный этот защитничек, – буркнул Солнцев-

ский. – Если его в былинах прописали, это еще не значит, что ему все позволено.

– Не без этого, конечно, но ты и сам не корзинка с фруктами.

– Да ты слышал, что этот фашист сказал? Что я враг земли Русской! Да за такие слова не то что руку, я и шею сломать могу!

– Конечно, можешь, кто бы сомневался. Ну какой же ты враг? Да и эта оглобля бородатая тоже не враг. Просто при сходных жизненных позициях вы разошлись в частностях.

– Ничего себе частности, – насупился Илюха.

– И вообще, завязывай ты со своими бандитскими штучками! – продолжал гнуть свое Изя. – Раз прибыл в приличное время, то и веди себя соответственно. Ну повздорили, ну подрались, так хулиганить-то зачем?

Между тем обсуждаемый будущий богатырь с непониманием, но очень внимательно, следил за странным диалогом. Как-никак, решалась его судьба. Или его будут бить, что, конечно, было нежелательно, так как хотелось предстать пред светлые очи князя с непопорченной физиономией, или шустрый малый все-таки не допустит кровопролития и он сможет спокойно продолжить свой путь в стольный град Киев.

Наконец судьба Муромского была решена. Изя таки уболтал бывшего спортсмена, и пока тот не передумал, взял улаживание конфликта на себя и обратился с пламенной речью

к Муромцу:

– Значится, так. Вы обвиняетесь в превышении допустимой обороны, попытке сотворить членовредительство в отношении несовершеннолетней девушки, в сопротивлении, оскорблении, нанесении травм, вполне совместимых с жизнью, добровольным помощникам сотрудников органов правопорядка, находящихся при исполнении своих служебных обязанностей, а также в дискредитации светлого облика былинного богатыря в глазах советских граждан, российских спортсменов, а также представителей украинской диаспоры чер... (тут Изя на мгновение запнулся), в общем, некоторых рогатых меньшинств. Пользуясь принципом поглощения большего преступления еще большим, а также учитывая введенный мораторий на смертную казнь, военно-полевой суд приговаривает Илью Муромца к денежному штрафу в размере всех денежных средств, находящихся в его распоряжении.

– Ась? – искренне переспросил приговоренный.

– Деньги гони за моральный ущерб, добровольно, а то хуже будет! – доступным языком пояснил черт.

– Так бы сразу и сказали, а то сразу меньшинствами пугать принялись, – пробурчал окончательно сбитый с толку обвиняемый и кряхтя снял кожаный мешочек, висящий на шее.

Муромец хотел было раскрыть его, но Изя с ловкостью фокусника выхватил его из рук и тут же спрятал себе в карман.

– Оставь хоть чуть-чуть, дорога ведь неблизкая, – с мольбой в голосе проговорил детина.

– Ладно, – после некоторой паузы согласился черт. – Учитывая раскаяние обвиняемого, а также активное сотрудничество со следствием, суд постановил выдать премию в размере...

Тут Изя высыпал деньги на ладонь, выбрал три самые мелкие, протянул их Муромцу и торжественно закончил:

– Трех копеек!

Браток даже поперхнулся от такой щедрости. Однако Муромец, похоже, остался доволен, торопливо взял деньги и быстро пошел прочь, бросив братку на прощание:

– Мы еще встретимся, заслуженный мастер спорта!

– В любой момент к твоим услугам, – пожал плечами Солнцевский, давно не получавший в спарринге такого достойного соперника.

Илюха проводил взглядом чуть прихрамывающую фигуру, оглядел себя с головы до ног и выругался. Причем удачно ввернув парочку недавно услышанных оборотов. Что и говорить, крутой костюмчик за штуку баксов не выдержал второй драки за день и пришел в полную негодность. Оторванный рукав, висящий на ниточке воротник, разорванные на коленке брюки и разбитая губа – вот каким оказался результат разговора двух мужчин, поспоривших об отношении к женщине. Хорошо еще, что победила галантная точка зрения.

– Ловко ты на деньги разговор перевел, – наконец изрек браток, оставив тщетные попытки привести себя в порядок.

– Ой, я вас умоляю! Чай, не первый год живу на белом свете, а лохи всегда во все времена одинаковые.

– Изя, а ты точно не еврей, а то у тебя время от времени какой-то одесский акцентик проскакивает?

– Скажите пожалуйста! Что, если простой черт умеет жить, так он сразу же еврей?

Илюха с подозрением посмотрел на довольного Изю.

– Вот только не надо меня сверлить таким суровым взглядом. За свои грехи отвечу, а чужого на меня вешать не надо!

Браток хотел было что-то возразить, но тут о себе напомнило спасенное существо. Причем напомнило нагло и бес-

церемонно:

– Хватит балабонить, пошли ко мне на заимку. Кстати, там и одежду рваную могу зашить, будет как новенькая!

Приятели слегка удивились от подобной бесцеремонности и с явным неудовольствием устали на горе-разбойника.

– Слышь, как тебя там? Соловей-разбойник, шел бы ты отсюда подобра-поздорову, – наконец выдавил из себя черт и повернулся к Илюхе с твердым намерением продолжить прерванный разговор.

Однако это ему не удалось.

– Я уже говорила, что я не Соловей-разбойник, а Злодейка-Соловейка! А грабить я вас не собиралась, поугубить только, да и чего взять у таких оборванцев, как вы? – нагло заявила девчонка, тряхнула иссиня-черными волосами и вздернула к небу свой курносенький носик.

Илюху так утомила словесная перепалка с Муромским и последующее выяснение отношений, что он со вздохом присел на травку, тем самым давая возможность разобраться с наглой девчонкой говорливому Изе. Тот, в свою очередь, злорадно улыбнулся.

– Вот есть же наглецы на свете, вначале ограбить пытаются, потом в историю втягивают, а после еще с замечаниями лезут. И куда мир катится? – еще раз вздохнул черт и снял с себя морок.

– Черт! – не то констатировала факт, не то просто удив-

ленно воскликнула Соловейка.

– Собственной персоной! – согласился Изя. – А теперь думаю, самое лучшее, что ты можешь сейчас сделать, так это взвизгнуть и убежать подальше отсюда.

– Почему это?

– Как это почему? – даже немного обиделся Изя. – Тебе разве мама не говорила, что чертей надо опасаться и не иметь с ними ничего общего?

– Говорила, конечно, – пожала плечами девушка и более твердым голосом добавила: – Но, во-первых, я уже взрослая, во-вторых, храбрая, а в-третьих... Что я, чертей, что ли, в своей жизни не видела? Иногда батя так напивался, что к нему черти валом валили, иногда штук по десять в терем набивалось.

Изя растерялся, он ожидал совсем другой реакции. Визг, обморок или бурная истерика с его точки зрения соответствовали сложившейся ситуации куда лучше, чем такие наглые заявления.

– И потом, у тебя рог сломан, – присмотревшись повнимательнее к собеседнику, решила добить черта девчонка.

– Скажи спасибо этому типу в красном пиджаке, – буркнул Изя.

– Да не красный у меня пиджак! – поднялся с травы Илюха.

– Дело тут не в цвете, дело в принципе, – гордо заявил черт и обиженно отвернулся.

– Девочка, иди домой, мы в общем-то не в претензии. А что хотела нас грабануть, так это ерунда, дело житейское, с возрастом пройдет. Все наши ребята с таких вот банальностей начинали, так что...

Илюха собирался еще что-то сказать, например, рассказать поучительную историю, которая произошла с ним на раннем этапе его постспортивной карьеры. Но Соловейка вдруг так искренне и совсем по-детски разрыдалась, что воспоминания о бурной молодости пришлось временно отложить.

– Да что же это такое! – сквозь льющиеся в три ручья слезы смогла выдавить из себя Соловейка. – Никто меня всерьез не воспринимает! Даже вы со мной говорить не хотите!

Перед компаньонами стояла ревущая, несчастная девчонка со всеми вытекающими из этого последствиями. Изя с Илюхой перекинулись полным тревоги взглядом. Было ясно, что женских слез они не переносят оба.

– Че сразу не хотим-то? – изрек Солнцевский.

– С хорошим человеком почему бы не поболтать? – поддакнул Изя. – Как вас, кстати, зовут, милая девушка?

Девушка обиженно шмыгнула носиком, вытерла пухленькой ручкой слезы и гордо заявила:

– Черная Гангрена, гроза большой дороги!

– Как?! – хором переспросили приятели.

– Вы что, глухие, что ли? – удивилась Соловейка и более твердым голосом подтвердила: – Черная Гангрена, гроза

большой дороги!

Секунд пять Изя с Илюхой еще молчали, не веря своим ушам, но потом... Наверное, за всю историю человек и черт вместе так не смеялись. И тут уже было ни до возмущения девушки, ни до ее праведного гнева, ни до дорожной пыли. Закончили компаньоны смеяться уже лежа на земле, всхлипывая от сдавившего горло хохота.

– Это тебя так родители называли? – наконец смог произнести Изя.

– А если и так? – с вызовом бросила девица.

– Смотри, Изя, не только у тебя родители приколистами были! – сквозь хохот заметил Солнцевский.

Черт что-то буркнул себе под нос, но вдаваться в полемику с бывшим борцом не стал.

– А даже если это я сама придумала, что тут такого? – обиженно фыркнула девушка и демонстративно отвернулась от странных путников.

– Да, в общем, ничего, – пожал плечами Изя. – Но оно словно взято из третьесортного голливудского боевика.

– Или фильма про индейцев студии «Дефа» с Гойко Митичем в главной роли, – вставил свое слово Солнцевский.

Соловейка в некотором оцепенении переводила взгляд от черта к братку и наконец скромненько поинтересовалась:

– А что такое боевик? – Потом немного поразмыслила и расширила поставленный вопрос: – И кто такие индейцы?

Илюха с Изей переглянулись и синхронно вздохнули.

– Да в общем-то это и неважно, – ушел от прямого ответа черт, – А важно то, что это имя тебе не подходит. Ну какая же ты гангрена?

– Что, ни капельки не похожа? – с мольбой в голосе поинтересовалась горе-разбойница.

– Нет! – хором ответили мужчины.

На некоторое время Соловейка задумалась и наконец решительно махнула рукой.

– Ну раз так, то я не буду называться этим именем. И пока я не придумаю себе новое, можете называть меня так, как нарекли мои родители, – Любовой.

На этот раз не выдержал уже Илюха:

– Прекрасное имя! Не понимаю, чем оно тебе не нравится?

– Я ненавижу его! – искренне заявила Соловейка, и ее глаза наполнились слезами размером с некрупный болгарский горошек.

Далее приятели благоразумно замолчали и по пути (уж как-то так само собой получилось) к жилищу Любовы выслушали полную искренней девичьей скорби историю.

История эта оказалась стара как мир. Ну в смысле, что конфликт отцов и детей начался так давно, что даже в эти далекие времена это было, увы, совсем не ново.

А дело было вот как. Урожденная Любава Павлиновна была единственной дочкой в знатной купеческой семье, держащей свою торговлю в столице небольшого княжества, в

славном городе Козельске. Семья по местным меркам была сверхблагополучной. Батюшка, матушка, три старших брата души не чаяли в младшенькой и с детства баловали ее как только могли.

По логике вещей, из Любавы должна была вырасти настоящая холеная купеческая дочка, и наверняка так оно и было бы, но...

А вот за этим «но» скрывается совершенно нелогичный для того времени характер Любавы. Это мы сейчас, в начале двадцать первого века, смотрим на эмансипированных женщин как на неизбежное зло, которое принес с собой прогресс (да простят меня бизнесвумен, но большинство мужчин думает именно так). А в те далекие времена желание купеческой дочки научиться скакать на лошади, стрелять из лука, мутузить мальчишек в кулачных забавах воспринималось, мягко говоря, негативно. И только благодаря тому, что нормальное (с точки зрения тятеньки и маменьки) образование Любава осваивала легко и непринужденно (то есть умела шить, вязать, вести хозяйство, прекрасно готовить), родители до поры до времени закрывали глаза на не совсем нормальное поведение дочери.

Чисто женские навыки давались Любаве так легко, что отец, отведав рождественскую кулебяку, сразу забывал, что он собирался поговорить со своей строптивой дочерью по поводу синяка, который получил от нее Никифор, сын его компаньона.

Именно этот Никифор и стал причиной того, что купеческая дочь превратилась в Злодейку-Соловейку и шла теперь по лесу с солнцевским братком и киевским чертом на свою заимку, а не сидела в горнице и готовила приданое к своей свадьбе с ненавистным женихом, которого сосватал ей отец.

– Причем я сразу предупредила тятеньку, что ни за что не пойду за него, а он только в бороду ухмылялся и на пергаменте прикидывал, какие барыши он с этой свадьбы поимеет.

– И я так понимаю, что на смотринах ты... – не выдержал черт и чуть ускорил рассказ.

– Ну да, они приперлись толпой свататься, а моего мнения даже не спросили. Ну не дикость?

– В общем, конечно, дикость, – согласились приятели примерно в похожих скептических интонациях.

– Так я об этом и говорю. Я разнервничалась, завелась, ну и...

– Что и? – не выдержал черт.

– Ну я и свистнула от возмущения что есть мочи. А они...

– Что они? – на этот раз не выдержал неторопливой манеры излагать события Илюха.

– Они ни с того ни с сего все в обморок и брякнулись.

– Я их понимаю, – буркнул Изя.

– Ну вот я и сбежала из дома прямо со смотрин, – подвела итог своей купеческой юности Любава. – Ну то есть, вначале, конечно, проверила, дышат ли тятенька с маменькой,

а уж потом сбежала. Вы же знаете силу купеческого слова. Тятенька обещал, что я за этого прыщеватого выйду, а так... И он слова не нарушил, и я от ненавистного жениха избавилась.

– А на скользкий путь уличной преступности ты как попала? – съязвил Изя.

– И ничего я не попала на этот твой путь! – взвилась Соловейка. – Я вначале к князю пошла в дружину наниматься.

Приятели с интересом и немым вопросом посмотрели на Любаву.

– Так меня даже на порог не пустили! – чуть не плача выдала горе-разбойница. – Не то что по конкурсу не прошла, а вообще разговаривать не стали! А я и из лука прекрасно стреляю, и на лошади в мужском седле галопом могу, и ножи кидаю в самое яблочко, и... (Тут купеческая дочка перевела дух.) Готовлю прекрасно, и вообще. Ну а на то, что я свистеть по-особому умею, вообще внимания не обратили и проверять не стали. Кто я для них? Девчонка просто.

Как ни странно, Илюха с пониманием отнесся к рассказу. И глубоко вздохнув, подвел итог:

– И после этого ты решила отомстить князю и стала хулиганить на большой дороге.

– А че он?! – всхлипнула Любава. – Но я ни с кого даже копейки не брала! Это все купцы придумали. Сами по дороге товары пропьют, прогуляют, а потом в город придут и на разбойников недостачу сваливают. А за разбойниками князь

должен следить, так что им от казны компенсация полагается. Я только попугать их решила. А вообще, конечно, весело. Свистнешь разок, так все с коней и падают.

– Ага, обхохочешься, – заметил вредный черт.

– Ничего с ними не делалось, полежат с часок, отдохнут на травке и бегом князю жалобы писать.

– Небось тебя изловить пытались? – из чисто профессионального интереса поинтересовался Илюха.

– Конечно! – гордо заметила Соловейка. – И не раз. Только вот свист мой покрепче меча будет. Вы только выстояли да тип этот, что мне зубы хотел выбить. Вот мы и пришли, милости просим на мою заимку, – вдруг совершенно нелогично закончила свое повествование Соловейка.

И точно, за разговорами они и не заметили, как вышли на небольшую опушку, на которой стоял справный охотничий домик.

– Тут раньше княжеский лесничий жил, – предупредила вопросы Любава. – Мойте руки, проходите в горницу, – не терпящим возражений тоном добавила она.

Ее спутники без тени неудовольствия последовали ее указаниям. Тем более что из домика доносился чарующий аромат щей из кислой капусты и пирогов. Так уж оказалось, что желудки, что у черта, что у человека, почти одновременно напомнили своим хозяевам, что чем бы они ни занимались, но режим питания нарушать нельзя. Впрочем, эти самые хозяева ни капельки не спорили со своими внутренними орга-

нами и радостно принялись уплетать предложенную еду.

Пока Илюха приканчивал третью тарелку (где там современным киевским кабакам до домашней пищи!), Любава в два счета привела в порядок порванный пиджак. Причем так искусно, что, засунув последний кусочек предпоследнего пирожка в рот (последний, конечно, успел умыкнуть Изя), Солнцевский с удивлением заметил свой пиджак, висящий на спинке стула в практически идеальном состоянии, и с явным удовольствием напялил его на себя. Как это волшебство удалось Любаве за столь короткое время, оставалось только гадать.

– Это... – промямлил бывший борец. – Ну в смысле, спасибо.

– Ерунда, – пожала плечами Соловейка.

Илюха хотел еще сказать что-то хорошее про золотые руки или там про другие части Любавино тела, но тут Изя выскреб чугунок и нагло заявил:

– Не, все, конечно, было очень вкусно и все такое. Но не будет ли у хозяйшки граммов по сто пятьдесят или, скажем, двести самогончика на пяточок для усталых путников?

Илюха хотя и собирался сказать совсем другое, но упоминание про самогон (причем исторически и экологически чистый!) заставило его с тем же немим вопросом уставиться на хозяйку.

– Самогон – это яд! – пафосно заявила Любава.

– Так разве же я спорю?! – искренне удивился Изя. – Ко-

нечно, яд! Так ты же девушка образованная и наверняка слышала, что во многих странах ядом разные болезни лечат. Так это именно наш случай. После трудного дня, бурного выяснения отношений друг с другом и с отдельными представителями местного населения просто необходимо принять лекарство против хронических форм болезни, которой в народе просто и в то же время очень емко называют «понедельник – день тяжелый».

Илюха с уважением посмотрел на своего компаньона. Что и говорить, вначале очень хотелось есть, и такая, в сущности, элементарная мысль о питье как-то не приходила в голову, но зато сейчас... В общем, он был категорически согласен с чертом, граммов триста пятьдесят – пятьсот сейчас были бы как нельзя кстати.

– Вообще-то немного есть... – замялась хозяйюшка. – Но это чисто в медицинских целях!

– Конечно, в них, родимых! – тут же подхватил Изя. – Сама посуди, я контуженный, вона мне этот тип рог сломал. А этот самый тип, даже исключив из рациона мои удары, сегодня пропустил от Муромского три-четыре боковых.

– Всего два, – недовольно буркнул уязвленный борец. – Я же не боксер.

– Так я и говорю, ему, как покалеченному небоксеру, и мне, как понесшему страшные увечья, требуется именно этот яд для поддержания тонуса и для компрессов.

– Только для компрессов? – недоверчиво переспросила

Любава.

– Только! – хором подтвердили компаньоны, судорожно рыща по столу в поисках подходящей для внутренних компрессов посуды.

Огромная, по московским (да и по киевским!) меркам, бутыл с характерной надписью «Ядь» была водружена на стол вместе с не менее внушительной плошкой с малосольными огурцами, и после принятия трехсот граммов компрессов на нос и стольких же граммов на пяточок, приятели окончательно пришли в себя. Еще по пятьдесят, и друзья решили, что, несмотря на временные и абсолютно несущественные трудности, жизнь явно удалась.

Между тем гостеприимная хозяйка оставила их буквально на минуточку (что позволило принять им еще по пятидесятиграммовому компрессику) и, скинув разбойничьи лохмотья, предстала перед ними во всей красе. Тут ребятам потребовалось еще по дозе яда, чтобы осознать произошедшую прямо на глазах метаморфозу.

Вместо Соловья-разбойника или в крайнем случае Злодейки-Соловейки перед ними стояла ладная, статная, даже, можно сказать, красивая девушка, и хоть небольшого роста, зато с явно выступающими даже из-под мешковатого сарафана женскими формами.

– Ну и на кой ляд тебе с таким-то потенциалом в дружину идти? – искренне удивился Изя.

– Да и имя Любава тебе идет как нельзя лучше, – поддак-

нул Илюха.

— Вот именно из-за этого я и сбежала из дома! — обиженно надув губки, заявила купеческая дочка. — Не хочу всю жизнь мужниной женой у печи провести, хочу жить на всю катушку, дышать полной грудью!

Тут осоловелые глаза приятелей чисто инстинктивно опустились именно на эту часть Любавиного тела, и девица, в очередной раз покраснев, выбежала из горницы.

Когда спустя полчаса Любава вернулась назад и подошла к прикрытой двери, слуху заблудившейся в предрассудках девушки предстала беседа двух изрядно окомпрессившихся приятелей. Изя уговаривал Илюху поступить на работу в какую-нибудь киевскую кузницу молотобойцем и всячески расписывал открывающиеся перед ним горизонты карьерного роста. Солнцевский категорически возражал, весомо аргументируя свои слова огромным кулаком и сложными оборотами касательно ближайших родственников Изи и отсылания оных в очень далекие места.

Любава, конечно, была воспитанной девушкой, но, с другой стороны, бунтарская частичка ее души взяла верх и она, сильно краснея, подслушала спор приятелей до конца.

Если отбросить несущественные, но очень яркие (и даже иногда абсолютно незнакомые Соловейке) словечки, оказалось, что они прибыли издалека, но очень хотят вернуться домой. Для этого им необходимы деньги, а так как черт объявил себя ветераном сорока семи войн и ста двух воору-

женных конфликтов, то почетной обязанностью работать на благо концессии (непонятное Соловейке слово) награждался Илюха. Тот, в свою очередь, соглашался брать в руки кувалду только для того, чтобы отшибить компаньону второй рог. Любому думающему существу на земле стало ясно, что беседа зашла в тупик и найти выход оттуда может только женщина.

– Хорошо еще, что я рядом оказалась, – со вздохом справедливо заметила Любава и решительно толкнула дверь своего собственного дома, бесцеремонно занятого гостями.

– Коли деньги нужны, так надо в дружину князя наниматься, а не в кузницу идти!

Чуть было не разругавшиеся приятели переглянулись и облегченно вздохнули.

– Так это другое дело, – заметил Илюха.

– Предлагаю это дело отметить! – резво согласился с таким трудоустройством Солнцевского Изя и быстренько разлил из изрядно опустевшей бутылки по стаканчику.

Илюха довольно крикнул и с явным удовольствием принял чарку исконно русского яда.

– Я с вами пойду, – чуть не испортила собутыльникам трапезу Любава.

– Это зачем еще? – хором взвились не на шутку обеспокоенные приятели.

– Так вы города, обычаев наших не знаете, без проводника пропадете.

– Если хочешь знать, деточка, то я родом из этих мест и, что особенно важно, из этого времени! – нагло заявил Изя и со вздохом поболтал в бутылки жалкие остатки целебной жидкости.

– Да, ну и как зовут князя, а как княгиню, княжну, воеводу? С кем князь в союзе, а с кем во вражде? Почему воз сена на рынке? А сколько стоит комната на постоялом дворе?

Изя, набрав было в грудь побольше воздуха, дабы дать достойный отпор зарвавшейся девчонке, как-то сразу сник.

– А я Киев знаю как свои пять пальцев! – гордо заявила странная купеческая дочка и уже совсем другим голосом добавила. – Хочу завязать со своим преступным прошлым и хотя бы просто выбраться из леса.

Илюха задумчиво почесал себе затылок.

– Слышь, Изя, а она права. Проводник нам бы не помешал, да и, если она хочет спрыгнуть и к ней ни у кого предьяв нет, то, по понятиям, имеет полное право.

– Ни за что! Женщина в нашей ситуации будет только обузой. И потом, мы же ненадолго в город собрались.

– Не забывай, что я не простая девушка (спорщица сделала явный акцент на этом слове, и Изя сдулся еще больше), а Злодейка-Соловейка! И умею не меньше многих дружинников князя! Я могу скакать...

– Да помним, помним, – торопливо прервал ее Изя. – Если будешь готовить нам такие ужины, как сегодня, каждый день, то берем тебя в команду.

Видя, как начинает бурлить Любава, торопливо добавил:
– Ты не беспокойся, харчи за наш счет!

Тут Любава закипела по-серьезному:

– Только и можете о женщине думать как о кухарке! Я, между прочим, человек, а не существо с косой у печи. Ненавижу готовить!

– Существо с косой – это смерть, – тихо заметил Илюха, но тут же примолк, не желая влезать в дискуссию.

– Зато очень хорошо умеешь это делать, – не сдавался черт. – Так и быть, по выходным коллективный шопинг, продукты закупаем на рынке все вместе.

Соловейка стала засучивать рукава с явным намерением показать Изе, на что способны купеческие дочки в гневе.

– Ладно, чего уж там. Если ты такая нервная, то посуду моем по очереди.

Тут Соловейка взорвалась. Было все: и крики, и ругань, и метание в черта (наивная!) кувшином. Бутыль с остатками жидких компрессов Солнцевский предусмотрительно припрятал от греха. Он вообще решил не принимать участия в этой небольшой дружеской беседе, а просто капнул себе еще граммов сто (ну, чтобы не скучать в зрительном зале) и присел на лавке в самом углу горницы.

Между тем Любава была в ударе. Тут вспомнились и все мужчины, вместе взятые и каждый по отдельности, нравы в купеческой среде, а также вообще в том времени, куда попали борец с Изей.

Крики сопровождалась попытками все-таки достать Изю каким-нибудь тяжелым предметом, но черт оказался на высоте и пропустил всего одно, причем не такое уж и большое, березовое полено. Впрочем, этого для сублильного черта оказалось вполне достаточно.

Вы играли когда-нибудь в боулинг? Даже если нет, то наверняка представляете, как разлетаются кегли от удачно брошенного шара. Изю улетел так же, с единственным отличием, что он был один, а кеглей много. Черт изящно врезался в печку и затаился в глубоком обмороке.

– Ну что, замочила братана? – подвел итог Илюха.

– Чегой-то он? – искренне удивилась Любава. – Я же его только чуть-чуть задела.

– Ага, чуть-чуть, – съязвил Илюха и вдруг заметил, что черт на мгновение открыл глаз и подмигнул им Солнцевскому.

И, хотя чудесный самогон довел голову братка до солидного гудения, тот сообразил, куда клонит его приятель.

– И что тут, спрашивается, такого, когда двое мужчин в виде одолжения и акта доброй воли просят приготовить пару раз им еду? Это что, повод для разборок и применения поленьев?

– Да в общем-то нет, – просопела Любава. – Мне не в тягость.

– А коли не в тягость, чего ты тут гладиаторские бои разводишь?

– Потому что вы во мне видите только женщину, – уже со слезами на глазах выдавила из себя Соловейка.

Илюха в непонятках пожал плечами:

– А что тут плохого?

– Потому что я могу скакать на лошади, стрелять из лука... – начала свою песню Любава.

– Да помню я все это! – успел прервать ее Солнцевский. – Ты что, ради всего этого решила честного черта загубить?

Зареванная Соловейка присела над лежащим без движения Изей и попыталась привести его в чувство. Обычные методы вроде пощечин и окатывания водой не помогли. Снисходительно глядя на ее тщетные попытки вернуть притаившегося Изю к активной жизни, Илюха достал припрятанную бутылку и со вздохом наполнил до краев чарку.

– Эх, молодежь... – пробухтел он и протянул лекарство Соловейке. – Пои маленькими глотками, – тоном заправского доктора добавил Солнцевский.

Что удивительно, лекарство сразу стало действовать и Изя радостно начал возвращаться к жизни.

– Изенька, ты только не умирай! Да буду я вас кормить, чего уж там, знаешь, я такие пироги с визигой делаю, просто закачаешься.

– А с капустой? – поинтересовался почти очнувшийся черт с явными задатками гурмана.

– И с капустой, и с рыбой, и с грибами, и с мясом, и с требухой...

– Ну тогда ладно, пожалуй, пока не умру, – нагло заявил Изя, быстренько поднялся и поискал глазами бутылку. – Ага, конечно! Пока я, с риском для жизни, провожу рекрутский набор в тыловую службу нашего предприятия, он хлещет самогон без всякого стыда!

– Изя, ты чего волну гонишь? – пожал плечами Илюха. – А кто Любаве лекарство для тебя передал?

– Ах да, – заулыбался довольный Изя. – Лекарство и в самом деле помогло.

– А то!

С этими словами коллеги как ни в чем не бывало уселись за стол и продолжили посиделки.

Любава с укоризной посмотрела на них и решительным тоном произнесла:

– Знаете что, глядя на вас, мне тоже лекарства захотелось. Илюш, плесни-ка и мне на компрессик.

Приятели с некоторым удивлением, но вполне одобрительно посмотрели на радушную хозяйку.

– Так вроде лицам моложе восемнадцати того, не полагается, – скромно заметил Илюха, вспоминая въедливые ролики Минздрава.

– Здесь повальная акселерация, так что с пятнадцати лет не то что пить можно, но и замуж сходить не совестно.

– С пятнадцати... – протянул Солнцевский. – Пожалуй, Министерство здравоохранения было право. Ладно, только на лечение.

Илюха аккуратненько начал тоненькой струйкой наливать истонное славянское лекарство от всех болезней в третью чарку.

– Сколькo наливать-то?

– А ты что, краев не видишь?

– Наш человек! – гордо подвел итог Изя.

Спустя пару минут последние кусочки льда в отношениях странной троицы были растоплены и компания приобрела полноправного третьего члена.

Только прошу заметить, что в те стародавние времена дети действительно выросли значительно раньше и происходившее на далекой заимке ничего не имело общего со спаванием малолетних.

Дальнейший путь в такой ситуации, конечно, оказался компаньонам не по силам. Ну сами посудите, кто после хорошей драки, прекрасного обеда (плавно перешедшего стараниями Любавы в ужин) и внушительной дозы лекарства отправляется в дальний путь? Вот то-то и оно, ни один нормальный мужик! А так как Солнцевский и Изя были нормальными в доску, то они хором высказались за продолжение пути утром, хлопнули еще по одной за хозяйшку и завалились спать богатырским сном.

Любава со вздохом укрыла затихших балагуров одеялами, убрала со стола посуду, подивилась на то, в какую странную компанию ей суждено было попасть, и тоже легла спать.

Как ни странно, проснулся Илюха вполне в сносном состоянии. То есть он, конечно, плохо помнил подробности вчерашнего дня, но зато основные события при малейшей попытке с его стороны выстраивались вполне стройными рядами. Прибавьте к этому отсутствие головной боли, крынку с парным молоком на столе, кадку с ледяной водой во дворе – и вы поймете, что минут через пять Солнцевский с явным удивлением посмотрел на внушающую уважение пустую посуду под дубовым столом.

– Вот что значит экологически чистый продукт! – наконец изрек браток и с помощью несложных, но довольно грубых движений растолкал Изю.

Тот был не в таком радужном настроении, как бывший борец, и купаться в ледяной воде категорически отказался. Пришлось в доступной форме и с помощью легкого физического воздействия убедить его в полной несостоятельности данной позиции. И если с варварским способом пробуждения черт смирился, то полученная крынка с молоком на простую и естественную просьбу дать опохмелиться вывела его из хрупкого состояния равновесия.

– Да ты за кого меня держишь?! Я что, на помойке себя нашел? Да у меня в швейцарском банке лежит... – тут ушлый черт осекся. – В общем, много лежит. И что, мне с утра после

чудной гулянки даже пива никто не предложит?

– Ты что, забыл, где мы находимся? – удивился Илюха. – А если молоко не хочешь, так я его мигом.

С этими словами борец потянулся к кувшину, но Изя, конечно, оказался быстрее.

– Ша, братцы-кролики! Нет пива, это, конечно, плохо, но, с другой стороны, здоровый образ жизни вновь входит в моду, а я, как передовой черт, всегда был в авангарде прогресса.

С этими словами в одно мгновение Изя уничтожил остатки молока и, довольно ухмыльнувшись, повернул пяточок в сторону запахов, распространяющихся от печи. Многовековой опыт выдавшего виды черта не мог его подвести: на огне пыхтела и урчала почти готовая яичница со свиными шкварками. Что и говорить, кулинарить Любаве удавалось значительно лучше, чем разбойничать.

– Я же говорю, завтракать пора, а ты туда же, купаться! – нагло заявил Изя и тут же уселся во главе стола.

После плотного завтрака начались суетливые сборы. То есть приятелям собирать было, конечно, нечего, зато Соловейка сполна компенсировала этот недостаток. Паковка припасов, сковородок и прочей утвари ввела Илюху с Изей в такую глухую депрессию, что последний наступил на горло своей куркулистской песне и начал атаку на Любаву:

– Ну скажи на милость, и что, со всеми этими мешочками и узелками мы припремся к князю?

– А что тут такого? – с досадой буркнула Любава, увязы-

вая очередной кулек.

Изя, который сам очень любил отвечать вопросом на вопрос, почесал пяточок и решил не сдаваться.

– Ты пойми, мы с Илюхой благородных кровей, и нам не пристало путешествовать с котомками в руках.

– А кушать вам пристало? – не отвлекаясь на такие мелочи, продолжала паковаться Любава.

Вопрос вкусной еды был болезненным для обоих приятелей. Но снятый со стола самовар чуть не ввел их в ступор и изрядно подстегнул Изино красноречие.

– Значит, так! – рявкнул он и наконец привлек к себе внимание боярской дочки. – Я что-то не понял, мы в команду взяли Злодейку-Соловейку, сбивающую свистом сокола в чистом небе, или купеческую дочь с обозом кухонной утвари?

– Соловейку... – осеклась Любава.

– А коли так, слушай мою команду! Брать с собой только запас продуктов в расчете на один дневной переход. Остальное имущество будет эвакуировано и расположение части при первой же возможности. Вопросы есть?

– Нет, – тихо согласился оглушенный командным голосом представитель тыловой службы.

– Выполнять приказание!

С удовольствием глядя на быструю и умелую консервацию объекта «заимка разбойницы», Изя наконец-то успокоился и присел на широкую скамью. Ничто так не радует взор, как

огонь, вода и то, как работают другие. Уж кто-кто, а черт знал эту истину очень давно.

– Слушай; Изя, а ты где служил? – наконец подал голос Илюха.

– Интендантом, в службе тыла.

– А когда?

Тут черту понадобилось немножко больше времени для ответа. Между тем ответ был прост и лаконичен.

– Всегда!

Часам к двенадцати, несмотря ни на что, вся компания налегке (спасибо таланту убеждения Изи) отправилась в путь. Заимка была законсервирована по всем законам военного и по традиции еще более сложного мирного времени, как говорится, «до лучших времен».

Шли, как ни странно, весело и непринужденно. В начале пути, конечно, возник маленький спор, как теперь величать новую спутницу гостей из далекого будущего, но он был недолгим. Мужская составляющая отряда единогласно заявила, что Любава – имя, наиболее точно подходящее их спутнице, но сама Соловейка согласилась на эту уступку только до того времени, пока она не придумает себе достаточно героическое (по ее мнению) имя. На том и порешили: пока будет Любава, а потом посмотрим.

Вот так, с шутками и прибаутками, наша странная компания прошла по той дороге, которая короче. Из-за потери времени в маленьком инциденте с былинным богатырем и незапланированного (но очень вкусного) привала в логове Любавы путь оказался все-таки дольше, о чем тут же ехидненько заметил попритихший было Изя.

– Да ладно тебе бухтеть, – спокойно заметил Солнцевский. – Между прочим, мы на этом деле денегат подзаработали, да и с Любавой познакомились.

Напоминание о деньгах и прекрасном обеде (ужине, завтраке) у Соловейки заметно улучшилось настроение прижимистого черта. Заботливо поправив кожаный кошель Муромского на поясе и не менее заботливо похлопав себя по животу, Изя довольно улыбнулся:

– Слушай, Любава, а сколько богатырям в княжеской дружине платят?

– В общем, немного, да и зачем?

– Как это зачем?! – хором спросили Илюха с Изей.

– Так они же на всем готовом. Князь их одевает, обувает, жилье, опять-таки, казенное, оружие за счет казны, пиры регулярно проходят.

Илюха как-то сразу скис:

– А оружие хоть стоящее? Я вообще-то к «стечкину» привык, но можно и «гюрзу», на худой конец.

Изя закатил глаза и опять негромко все вспомнил СССР и весь советский спорт.

– Какая «гюрза»? Может, тебе еще и АКМ понадобится?

– Не, АКМ не надо, я как-то не люблю громкие разборки. Хотя, с другой стороны, мы на враждебной территории, и кто его знает, что нас ждет впереди. Ладно, можно и «Калашникова» взять.

– Ты в своем уме? – простонал черт. – И потом, это не враждебная территория, а моя Родина.

Тут Илюха немного задумался и радостно стукнул себя по лбу. С соседнего дерева слетела сорока.

– Не знал, что у тебя плохо с чувством юмора! Не волнуйся, Изя, я вообще-то пошутил, не принимай все так близко к сердцу. Да и Родина у нас с тобой одна, по крайней мере сейчас. Ты не забыл, это хоть и Киевская, но все-таки Русь! – улыбнулся белозубой улыбкой Солнцевский и уже серьезным тоном добавил: – За гроши свою голову подставлять не собираюсь, я тебе не лох и не шестерка.

– Слушай, ну ты же молотобойцем в кузницу отказался идти работать, так что не капризничай, тут пенять не на кого. Тем более, кто тебе сказал, что придется головой рисковать? – выкрутился хитрый черт и обратился к спутнице:

– Любанюшка, а войны случаем сейчас нет?

– Ш-ш-ш! – только и смогла выдать возмущенная до глубины души Соловейка. – Да виданое ли дело, чтобы на Руси войны не было!

– И вправду, глупость сморозил, – согласился Изя. – Так как у нас обстоят дела с каким-нибудь локальным конфликтом? Я хоть и родился в это время, но по малолетству совсем не интересовался политикой и сейчас не совсем владею ситуацией.

Соловейка довольно хмыкнула, набрала побольше воздуха в легкие и прочла выходцам из далекого будущего небольшую, минут эдак на сорок, лекцию о нелегкой политической ситуации, сложившейся в те далекие лихие времена.

Оказалось, что времена по традиции были, как обычно, тяжелые и беспокойные. Польско-литовские захватчики об-

ложили русские земли с запада (что и говорить, у нас НАТО тоже у самых границ расположилось) и норовят с помощью огня и меча научить строптивых соседей европейской демократии и цивилизации. С юга вообще жмут все кому не лень (слушатели с пониманием вздохнули), с востока... с севера...

Тут Илюха, по совести говоря, уже запутался в названиях народов, племен, крепостей, городов, имен ханов и прочих шустрых супостатов. В общем, дело ясное, что опять союзников кот наплакал, а врагов больше, чем ворон на городской свалке.

«Ничего в этом мире не меняется», – подумал Илюха и, окончательно заскучав, стал ловко пинать перед собой огромную еловую шишку.

Изя, в свою очередь, оказался словно рыба в воде и через некоторое время был уже политически подкован и грамотен, хоть сейчас по хуторам езжай с просветительской лекцией «Сложности военного урегулирования локальных конфликтов и межнациональных войн в условиях неблагоприятной политической обстановки».

Наконец информация у Любавы подошла к концу, и она закончила свое повествование фразой:

– Поэтому князь сейчас собирает богатырей со всех частей страны. И все как один хотят послужить своей Родине не щадя живота своего.

После этих слов Изя недовольно крикнул, а Илюха со всей силы пнул шишку и ловко сбил низколетящую сойку. Та от-

ветила возмущенной трескотней.

— И ты тоже была готова на таких условиях служить в дружине? — поинтересовался Изя, хотя точно знал, какой получит ответ.

— Конечно, а чем я хуже остальных? Да я... Да у меня... Да я им... — начала задыхаться от возмущения девушка.

— Да, да, мы помним, — быстро прервал черт начинающийся взрыв девичьего эмансипированного негодования.

Соловейка еще немножко попыхтела, но было заметно, что повторять свои тезисы о равноправии мужчин и женщин в Киевской Руси ей не хотелось.

— И потом, за особые заслуги князь очень щедро награждает своих богатырей. Бона на позапрошлой седмице богатырь Алеша Попович с небольшим отрядом к хазарам ходил, много шума наделал, лошадей увел да еще с десятков хазар связанных в крепость притащил для подробного разговора. Так ему князь за героизм золотой кубок с сапфирами подарил.

— Большой? А сапфиры большие? С глазурью или нет? — засыпал вопросами затрясшийся от возбуждения Изя.

— Смотрите! — прервал любимую для черта тему Солнцевский.

Все сразу замолкли и с интересом уставились на происходящее чуть в стороне от дороги.

Несколько здоровенных волков окружили большую сосну, к которой своим чешуйчатым тельцем жался... Змей Горы-

ныч. Ну то есть не тот змей, которого в нашем современном понимании добрый молодец да на лихом коне просто обязан мечом-кладенцом отходить, а совсем наоборот. Такого хотелось накормить, напоить да спать уложить. Маленький, щупленький, с неестественно большими головами на длинных тонких шейках. Змей щетинился как мог, угрожающе покачивал хиленьким хвостиком и почти страшно рыл когтями землю перед собой. Все три головы, словно кипящие чайники, пыхтели во все стороны на наступавших волков, но вместо огня из них вырывались только клубы пара. Сказочный ящер был обречен. Понимал это и он сам, и волки, подступавшие к нему все ближе.

– Гореныш, совсем маленький, – голос Злодейки подозрительно дрогнул. – Илюша, спасем его, а?

– Так вроде он отрицательный персонаж, – проямлил Илюха.

– А волки что, положительные?!

– Так серый волк служил, помнится, Ивану-царевичу верой и правдой, – вспомнил что-то из своего далекого детства Солнцевский.

– А стая волков хоть кому-нибудь служила?! – взревела Любава.

Илюха почесал затылок.

– Да пока ты думать будешь, они его съедят! – чуть не плача закричала Соловейка.

– Я категорически против, – сказал свое веское слово

Изя. – Нас это не касается. Наоборот, пока они нас не заметили, надо литься отсюда.

– Труссы! Ну и черт с вами, я сама его спасу! – уже на бегу прокричала Любава и, выхватив большой охотничий нож, бросилась на выручку пыхтевшему из последних сил трехголовому чайнику.

Второй нож она бросила под ноги Илюхе. Тому ничего не оставалось делать, как быстро снять с себя восстановленный недавно пиджак, обмотать вокруг левой руки, взять нож и броситься в очередной раз спасти бешеную спутницу и парящее (не в смысле летающее, а испускающее пар) сказочное чудовище.

Самый крайний серый хищник быстро отреагировал на появление Солнцевского и, не теряя времени, бросился на нападающего.

Вспоминая навыки, полученные в армии (а в спортивном клубе ЦСКА учили и не такому), браток подставил обмотанную вишневым (а никаким не красным!) пиджаком левую руку зубам серого и поймал матерого на охотничий нож, так любезно предоставленный купеческой дочкой. Дальнейшее было делом техники, смерть на острие ножа разила серых направо и налево.

– Ну и в компанию я попал, ни минуты покоя для старого черта, – вздохнул Изя и начал шарить в брошенном Соловейкой мешке.

Оттуда спустя мгновение была извлечена праща и

несколько увесистых камушков размером с кормовую свеклу.

– Как это она такую тяжесть таскает? – удивился черт.

Все так же бурча себе под нос, он вложил камень в петлю. Ловко раскрутил пращу и отправил к древним богам огромного волка, который уже сшиб Соловейку на землю и в последнем прыжке рванулся к ее шее. Прыжок действительно оказался последним, но не для Любавы, а для самого серого хищника.

– Мастерство не пропьешь и не купишь, – справедливо заметил рогатый, вкладывая очередной камень и окидывая взглядом кипящее поле битвы.

На этот раз от меткой Изиной руки пал волк, который практически добрался до отчаянно сопротивляющегося Змееныша-Гореныша. Черт не поверил своим глазам (что поделать, отвык он от такой сказочной галантности в суетном двадцатом и сумасшедшем двадцать первом веке), но тот оценил неожиданно пришедшую помощь и, несмотря на кипящий вокруг бой, в знак благодарности кивнул ему всеми тремя головами.

– Скажите, пожалуйста, какие мы культурные, – по привычке пробурчал Изя, но было видно, что эта галантность трехголового ему приятна.

После этого он заработал со скоростью скорострельной пушки, и уже через минуту немногие оставшиеся в живых хвостатые санитары леса бросились наутек.

Глядя в глаза удивленной Любаве, которая вполне удачно для нее провела схватку (то есть ее не загрызли), Изя с чувством собственного достоинства и несомненного превосходства заметил:

– И нечего было суетиться, просто мы с Илюхой решили обсудить план предстоящей военной кампании, а не бросаться сломя голову на превосходящие силы противника с ножичком наперевес. Правильно я говорю, заслуженный мастер спорта?

– А то! – смог из себя выдавить бывший борец, смахнув со лба пот и отбросив от себя последнего мертвого волка. – Мы с Изей решили тактику обсудить, а ты сама, сама...

Соловейка заметно покраснела и на этот раз не только от возбуждения после славного боя, но и от стыда.

– Что мы, лохи без понятия? Тут стая травит редкого, реликтового змея, а мы с Илюхой в стороне будем стоять?! Да не для того я несколько лет состою в Гринписе, чтобы на такое варварство смотреть спустя рукава! – понесло Изю.

Тут Солнцевский покрутил пальцем у виска, а Соловейка вполне законно поинтересовалась:

– В каком таком писе ты состоишь?

Изе ничего не оставалось, как тихо выругаться и в очередной раз за последнее время уйти в тень.

Между тем спасенный Гореныш внимательно слушал беседу своих спасителей и в тот момент, когда они замолчали, бросился выражать им свою благодарность.

Как всем известно (точнее, было известно в те далекие времена), Змеи Горынычи были очень умными и продвинутыми земными существами. Их, собственно, и с людьми-то сравнивать было нельзя. Сами посудите, голов три, значит, мозгов в три раза больше, чем у любого, даже самого умного человека. В общем, именно за эту разницу в количестве серого вещества люди и ввели в свой обиход молодецкую забаву – «Ходить на Горыныча», с обязательным отсечением голов у одного и преподнесением их в качестве свадебного подарка своей невесте. Даже оставив за скобками сомнительную ценность такого свадебного подарка, данное людское развлечение может (и должно!) подвергнуться суровому осуждению всего здравомыслящего человечества.

Ну подумаешь, у змеюки летающей мозгов в три раза больше! Так это еще не повод мечами махать. Хорошо еще, что до черных времен Горынычей еще было далеко, и в то время они не видели в человеке (точнее, в его подвиде «добрый молодец обыкновенный») своего главного врага.

Змееныш-Гореныш (это тот же Змей Горыныч, только маленький) бросился к своим спасителям с благодарностью. Опять же, как всем было известно, Горынычи не умеют говорить по-человечески ввиду совершенно убогого строения голосового аппарата, но прекрасно понимают их речь и без особых напрягов могут пользоваться телепатией. Между собой они переговариваются именно с помощью нее, лишь подкрепляя основные мысли красочным пронзительным стре-

котанием и выразительным свистом.

Для начала он облизал в три шершавых, теплых языка де-вушку, которая первая бросилась на его защиту, потом просто, но с явным почтением кивнул черту с обломленным ро-гом, предварительно лизнув его в руку средней головой (при-знак глубокого уважения). И уж только в последнюю очередь подошел к широкоплечему богатырю в странной одежде и с огромным золотым крестом на груди.

Мотя (так звали малыша) справедливо рассудил, что это явный лидер и наверняка (судя по кресту) воинствующий монах. Гореныш просто подошел к богатырю, сел напротив, склонил все свои головы перед ним и посмотрел на него все-ми своими шестью зелеными глазами с такой преданностью, что у сурового братка защемило сердце.

Раз люди не понимают нормального языка, то уж что-что, а свои эмоции Горынычи научились выражать очень красиво и красочно. Как ни крути, но ему был Мотя обязан жизнью и собирался оплатить странному монаху свой долг сполна.

– Это чегой-то он? – не понял человек.

– Во-во, и он туда же, – недовольно пробурчала Любава. – Как его от волков спасать, так это Соловейка, а как головы склонить, так это, конечно, перед другими. Ну и где, скажите вы мне, справедливость? Все вы, мужики, одинаковые.

– Да это-то тут при чем? – взмолился Солнцевский.

– При том. Даже детям известно, насколько Горынычи мо-гут быть верными, если их от неминуемой смерти спасти. А

этот вообще маленький, так что тебе повезло дальше некуда, – противным голоском прогундела Любава и отошла в сторону.

– Да что я сделал-то? – искренне удивился Илюха. – Вижу, ты на помощь трехголовому помчалась, так я и того, помог, значит.

– Между прочим, я тоже не в носу ковырял в это время, – напомнил о себе старый черт.

Долго еще глупые люди обсуждали, почему Гореныша спасали все трое, а настоящую, на всю жизнь благодарность Змей проявил только к Илюхе. Было много версий и теорий, но ни одна из них не была верна.

Просто Мотю было не обмануть: девица искренне бросилась на помощь, но где-то глубоко внутри ее сидела мысль о том, как ей по гроб жизни будет обязан Горыныч. Старый черт, хоть и принял участие в драке, но про себя прикидывал, сколько можно будет получить в городе за чучело Змея в случае неудачного исхода битвы. И только Илюха, хотя и не хотел сперва выручать его, но все равно сделал это, не думая ни об ответной преданности, ни о вероятной выгоде. Именно поэтому Мотя просто лежал напротив своего спасителя и преданно смотрел на него всеми своими глазами.

Наконец люди успокоились, богатырь не выдержал, сел на корточки и погладил по очереди все головы змееныша.

– Он, наверное, есть хочет, – наконец догадался Илюха.

– Вот и еще один нахлебник появился, – буркнул вечно

недовольный Изя.

– Да ладно, небось не обеднеем.

– Да уж, не обеднеем... Он ведь в три глотки жрать будет, где нам его прокормить!

– Едят, конечно, все три пасти, но желудок-то один, – справедливо заметила Любава и начала распаковывать припасы.

Женщина (хоть и для того времени весьма странная) всегда остается женщиной, поэтому, несмотря на громкие протесты Изи, Гореныш был накормлен и обогрет. Вот как раз у костра, когда бедный трехголовый сирота по очереди хлебал из котелка ароматную похлебку, и решалась уже давно решенная судьба маленького несчастного Змея.

Конечно, Изя был категорически против того, чтобы взять с собой Мотю. (Змейчик просто внушил своим непонятливым спасителям свое имя, и теперь все его звали именно так, особо не задумываясь, откуда взялось это слово.) Аргументы его, конечно, были весомыми: незнакомый город, отсутствие денежного довольствия, сложности с размещением, неустроенный быт и так далее.

Доводы Любавы были не менее значительными: змей один в лесу пропадет, ест мало, и самый убийственный аргумент – такая скотина всегда в хозяйстве сгодится!

Черт категорически возражал, что, мол, еще неизвестно, как сложится их судьба, и что было бы нечестно приручить вольного Горыныча, а потом бросить его. Мол, сами еще ни-

где не живем, а уже скотиной обзаводиться стали.

Мотя, конечно, ничуть не обиделся на сравнение его с домашними животными, а только подставлял по очереди Илюхе свои головы, чтобы тот, не переставая, гладил его и чесал за ушами.

Странные эти люди, вот, например, Змейчик уже вполне четко видел судьбы спорщиков и, заглядывая в будущее, довольно улыбался всеми тремя пастями, выпуская из них маленькие, счастливые струйки пара.

Наконец Изя с Любавой выдохлись и вдвоем усталились на Илюху, который, в свою очередь, уже приступил к ческе раздувшегося брюха сытого трехголового змея. Мотя был просто счастлив и только чуть дергал когтистой лапкой в знак наивысшего удовольствия. Но в то же время, растекшись в сильных руках Илюхи, Змей не забывал и о делах. Кратко, без шокирующих подробностей мысленно поведал Солнцевскому про свою нелегкую жизнь, этим самым ускорив положительное решение его небольшой проблемы.

– С собой его возьмем, – со вздохом взял ответственность на себя Илюха и тем самым прекратил ненужную дискуссию. – Его мать в горах лавиной задавило, а отец еще раньше куда-то пропал, так что Мотя совсем один.

– Ну вот, приехали, – досадливо поморщился Изя. – А когда назад возвращаться будем, куда его денешь?

– На волю выпущу, – как версию выдал Солнцевский.

– Не волнуйтесь, не брошу животинку, – развеяла сомне-

ние Изи Любава. — Я так понимаю, вы еще не скоро домой отправитесь? Так хоть пусть пока отъестся, окрепнет, а дальше видно будет.

Илюха был совсем не против такой постановки вопроса, хотя и понимал, что этот поступок еще ему аукнется в будущем.

— Что ни делается, все к лучшему. Лучше жалеть о том, что сделал, чем о том, что не сделал, — успокоил себя Солнцевский и продолжил чесать подставленное змеем пузо.

Изя пытался возражать, но решение уже было принято.

Любава принялась собирать вещи, а друзья лениво следили за этим процессом и думали каждый о своем. Илюха представлял, что неплохо бы смотрелись на шеях трехголового реальные шипастые ошейники из толстой кожи. Изя, уже смирившийся с появлением в их компании нового члена, прикидывал, как можно на этом подзаработать. А Мотя думал о том, что в следующий раз надо будет намекнуть Любаве, чтобы она ставила еду в трех плошках.

Оставшуюся часть пути до славного Киева Любава рассказывала приятелям обо всем, что знала сама. Тут девица села на любимого конька и за пару часов выболтала все столичные сплетни и слухи. Откуда она была в курсе всех событий, обосновавшись в лесу, оставалось только гадать. И если Изя слушал все это с явным интересом, то Илюха опять приуныл и при первой же возможности отстал от беседующих, сломал сосновую ветку и принялся развлекаться с Горенышем. Змей самозабвенно носился за брошенной палкой, помахивая маленькими крылышками и слегка подпрыгивая над землей.

Однако эту забаву пришлось прекратить, когда вся компания вышла на торговый тракт. Вид несущегося со всех лап трехголового змея за брошенной палкой нравился почему-то не всем. А если прибавить к этому шарахающихся от него дико ржущих лошадей, то скрепя сердце Солнцевскому пришлось прекратить развлечение.

Илюха хлопнул себя по левой ноге, и понятливый Мотя гордо зашагал рядом с хозяином с палкой в зубах средней головы.

Проход в город, занимавший у нормальных людей максимум минуту (плати пошлину страже и иди себе дальше), у наших приятелей занял не менее получаса. Дело было в том, что Изя категорически не соглашался платить за Мотю в

тройном размере. Доводы стражи, что оплата производится по головам, черт объявил смешными и убогими, предложив считать по количеству туловищ. Тут, в свою очередь, категорически не согласились стражники.

Еще неизвестно, как бы закончилась эта история, если бы Илюха не решил помочь казначею их маленькой компании. Браток вспомнил строчку одной из песен Владимира Высоцкого «оголил он бицепс ненароком, даже снял для верности пиджак» и ради прикола решил поступить так же.

Эффект превзошел все ожидания, и шокированная стража тут же согласилась на условия Изи. Тот, в свою очередь, моментально потребовал скидок и в конце концов змея провели в город по тарифу «птица домашняя не для продажи».

Заселение на постоянный двор тоже оказалось делом непростым. Хозяин категорически отказался пускать в комнаты Змееныша, причем снятый Илюхой пиджак на этот раз не помог.

Ситуацию спас сам Мотя, от волнения он запыхтел всеми тремя головами и даже выпустил сноп искр. Перепуганный хозяин согласился приютить гостей, но только на один день и при условии проживания Змея в конюшне. Илюха, конечно, бурно возмущился такой дискриминации, но под нажимом черта и Соловейки согласился.

Как ни гундосила Любава, как ни бухтел Изя, как ни пыхтел Мотя, все-таки Илюха настоял на своем, и на собеседование к потенциальному работодателю он пошел один.

Ну в самом деле, что это будет за сцена, если к князю на пир завалится такая разношерстная компания! Смех, да и только. Тем более Солнцевский справедливо полагал, что испытания будут касаться только его мышечной силы, а уж в этом он был абсолютно спокоен. Не бояться же заслуженному мастеру спорта, бывшему чемпиону по греко-римской борьбе и, наконец, совсем не последнему человеку в солнцевской группировке средневековую, почти былинную дружину?

У ворот княжеских палат его встретили как раз эти самые дружинники. Двое молодцов, один уже солидного возраста, а второй совсем молодой. Оба скептическим взором окинули наряд Илюхи, остановив свои взгляды разве только на внушительном золотом кресте.

– Здорово ребята, как служба? Я к князю, надеюсь, еще приемные часы не закончились?

Стража удивленно переглянулась. Видно, такие гости во дворце были не часты.

– И тебе не хворать. А на кой тебе к князю? – поинтересовался старший.

– Говорят, тут у вас с богатырями проблемы, так вот я и пришел, – вполне откровенно ответил Илюха.

– Никаких проблем у нас нет, богатырей хоть отбавляй, – ухмыльнулся второй. – Так что можешь не тратить времени и отправляться туда, откуда пришел.

Солнцевский, органически не принимающий беспричинного хамства, нахмурился.

– Знаешь, мальчик, вопрос о моем трудоустройстве пусть решает князь. А ты следи за своей речью, а то можно и языка лишиться.

Витязь закипел и попытался выхватить из ножен меч, но его руку перехватил Илюха и заставил вернуть оружие в свое первоначальное состояние. Собирающийся было помочь приятелю старший стражник вдруг остановился и с явным интересом стал наблюдать, как медленно, но неотвратимо странный гость опустил руку его напарника. Уж кто-кто, а он-то точно знал, что такое мало кому под силу.

– Ладно, не кипятись, – примиряющие заметил он, когда Солнцевский закончил демонстрацию силы. – Может, ты и правда по адресу пришел. Князь с дружиной пирует, вот туда и направляйся.

– Так бы сразу, – недовольно буркнул Илюха. – Куда идти-то?

– Не серчай, мы же как-никак стража, – примирительно заметил богатырь. – А дорогу тебе Микишка покажет.

Илюха хотел было спросить, кто такой Микишка, но тут

в него врезался плюгавенький мужичонка с реденькой козлиной бородкой и в засаленной рясе. Он очень торопился и умудрился не заметить огромного Илюху. От неожиданности он рассыпал целый веер пергаментов.

— Ишь, встал тут, верста коломенская, ни пройти, ни проехать, — завизжал он и только теперь взглянул на Илюху. — Тьфу, свят, свят, свят!

Судя по всему, внешний вид Солнцевского, вкупе с крестом на шее, стриженной головой и гладко выбритым лицом, добил Микишку окончательно. Тот ойкнул, сгреб в охапку рассыпанные бумажки и рванул со всех ног во дворец.

— Что это было? — глядя вслед улепетывавшему человечку, спросил Илюха.

— Дьячок Микишка, — охотно пояснили ему. — Писарь и толмач княжеский.

— Секретарь-референт, стало быть, — со знанием дела отметил Солнцевский. — Он всегда такой?

— В общем да, — пожал плечами дружинник. — Видал, куда он побежал, вот туда и ступай, небось не заблудишься.

Тут богатырь сам протянул Илюхе руку. Крепкое мужское рукопожатие поставило точку в небольшом конфликте.

Направившийся вслед истеричному дьячку Солнцевский с удовлетворением отметил, что ему понравились эти ребята. Просто произошла четкая классификация «свой—чужой», и когда Илюха заслужил звание «своего», то конфликт был исчерпан. И никакого тебе камня за пазухой. Поругались, по-

мирились, и все абсолютно искренне.

Вот с такими мыслями в голове Илюха добрался до тронного зала и решительно толкнул ногой дубовые ворота.

Пир, между тем, как говорится, был горой. В смысле, пировать в то время любили, умели и всячески свое умение совершенствовали и оттачивали. Сами понимаете, нет ни телевизоров, ни видео, ни ночных клубов, ни тех же самых ночных саун...

Хотя, стоп, ночные бани в то время, конечно, были, но к этой скользкой теме вернемся как-нибудь потом. Тем более что была не ночь, а вечер.

Князь Берендей, как ему было и положено, сидел на своем троне во главе огромного стола, за которым шумно пировала его дружина. И хотя сегодня утром произошло знаменательное событие (князь принял в дружину нового богатыря, Илью Муромца), Берендей был невесел. Так уж распорядилась природа, что мудрый, дальновидный, почти идеальный со всех сторон правитель славного княжества имел две взаимоисключающие друг друга слабости.

В отсутствие войны или, скажем так, действительно серьезной угрозы государству он или пил, или гулял. Причем делал это с присущим всем князьям размахом и последствиями.

Гулять так гулять, любить так любить! Этот так удачно воспетый в далеком будущем питерским певцом лозунг был уже лет двадцать вышит на княжеском штандарте. Причем

если большинство русских мужиков как раз не мыслят одного без другого, то оригинальный Берендей ценил эти два процесса исключительно по отдельности.

Или князь закатывал грандиозную попойку во дворце (естественно, с шутками, забавами и прочими молодецкими развлечениями), или резко завязывал с горячительным и тут же бросал свой окрыленный взор на прекрасную половину человечества. И тогда князюшка отрывался так же лихо, как и совсем недавно в лапах зеленого змия. Причем вывести его из этого состояния мог только один человек – его незабвенная и неповторимая жена, Агриппина (Грушенька, как ее ласково называл Берендей).

Груша была из тех женщин, которые «слона на ходу останавливают и хобот ему оторвут». В общем, бесхитростна и на руку тяжела. Именно она всеми мыслимыми и немыслимыми способами оттягивала тот момент, когда князь скатывался к одной из крайностей, и именно она же с помощью драконовских мер выводила из этого состояния своего супруга. Кстати сказать, единственное, кого Берендей боялся в своей жизни, была его ненаглядная Грушенька.

Причем супругу свою князь любил всей душой, но только он завязывал с горилкой, как его взгляд сам собой то и дело натывался на стройные девичьи фигуры боярских дочек, поварих, кухарок и прочая и прочая.

Но он брал свою волю в кулак и с бешеным усердием начинал заниматься государственными делами. Бывало, сутками

не выходил из горницы, все строчил указы да разбирал доносы, но всегда наступал такой день, когда приставленная к нему Агриппиной доверенная охрана давала маху и истосковавшийся мужской взгляд натывался на какую-нибудь престлестницу.

Все, тут Берендей поделать ничего не мог и пускался во все тяжкие. Из них, конечно, его возвращала на свет божий его ненаглядная жена, и с очередным фингалом под глазом, запудренным голландской пудрой, князь вновь страстно принимался за государственные дела вплоть до очередного срыва.

Именно в таком состоянии сейчас и находился Берендей. Подбитый Грунечкой глаз уже начинал видеть, а время sprыснуть свое нелегкое жите стопкой водки еще не пришло. Да к тому же жена находилась рядом и зорко следила за ним. Вот и смотрел с грустью на пирующее воинство целым княжеским оком Берендей и прикидывал в уме, сможет ли он ускользнуть от своей супружницы на пару чарок.

Слева от венценосной пары за княжеским столом восседали бояре, а по правую руку наиболее верные и заслуженные богатыри. Рядом с Берендеем сидел воевода Севастьян, а следом лихой молодец, богатырь Мартын Лихосватский. И если воевода вел себя абсолютно спокойно, то Мартын, как ни старался, не мог скрыть своего презрения к непосредственному начальнику и вынужденному соседу.

Тут дело было в том, что старый вояка, беззаветно пре-

данный Киеву и князю, занял этот пост совсем недавно. Где-то с полгода назад в результате нелепой случайности на охоте погиб отец Лихосватского, воевода Арсений. Сынок, не признававший в своей жизни слова «нет», был уверен, что именно он займет освободившуюся вакансию.

Но оказалось, что у Берендея были свои взгляды на эту ситуацию. Молодой Лихосватский, конечно, был первым и на пиру и в бою, но жезл воеводы получил не он, а мудрый Севастьян. Что ни говори, но сила в жизни решает не все. Мартын почувствовал себя обиженным и даже не пытался скрыть этого. Севастьян же, абсолютно далекий от всевозможных интриг, относился к сотнику абсолютно нейтрально, тем более что приказания Лихосватский выполнял четко, а его сотня была лучшей в дружине.

Далее располагались сотники Алеша Попович, Добрыня Никитич и принятый только утром в дружину Илья Муромец.

Муромец настолько поразил Берендея силой и ловкостью, что князь даже пригласил нового богатыря к себе за стол. Илья, польщенный такой честью, аж светился от счастья. Он мгновенно сошелся с Поповичем и Добрыней и теперь развлекал новых друзей байками про свою деревенскую жизнь. Его рассказы одновременно вызывали искренний смех новых друзей и презрительную гримасу Лихосватского. Последний вообще считал, что присутствие за столом этого «лаптя» унижительно для него лично, но был вынужден сми-

риться. Слово князя – закон!

Справедливости ради надо заметить, что вся остальная дружина была далека от этих сложностей, и с завидным усердием перемалывала гору еды, обильно смачивая ее при этом вином. Тост следовал за тостом. Пили за Русь, за Киев и конечно же за Берендея. Именно после одного такого тоста в зал ворвался дьячок Микишка.

– Что же это делится-то, народ православный?! Куда катится Россия-матушка?!

Хмельной народ встретил Микишку радостным гоготом. Вздорный нрав дьячка был знаком всем. Однако скандалист, ничуть не замечая усмешек, тут же припустился бегом через весь зал к Берендею. Князь от перспективы общаться с оглашенным толмачом в восторг не пришел и недовольно поморщился. По части ведения дел Микишка был просто незаменим, и его склочный характер приходилось терпеть даже князю.

– Да ежели всякие расстриги будут на дороге государственных людей стоять, так энто же самому государству угроза станет! – выпалил запыхавшийся толмач.

– Что случилось-то? – без всякого интереса в голосе спросил Берендей.

– Так я говорю! Весь в делах, весь в заботах, бегу во дворец, дабы представить пред ваши светлые очи бумаги...

– Так пир же сейчас! – не выдержал князь. – Какие бумаги?

Однако на такие причины, судя по всему, дьячку было плевать.

— А на воротах стоит... — тут Микишка немного замялся, — громадный такой, стриженный, со скобленной мордой, в одежде бесовской и с огромным крестом на груди.

Услышав такое описание, Муромец вздрогнул и что-то быстро пояснил новым друзьям.

— Так если с крестом, небось не бес, — резонно заметил Берендей, но загнать в угол Микишку было непросто.

— Бес, вот истинно говорю — бес!

Такой разговор мог продолжаться еще долго, но тут словно от удара раскрылись дубовые ворота в трапезную.

Не торопясь, вразвалочку в зал вошел очень странный человек. По большому счету, если отбросить эмоции, дьячок описал его довольно точно. С одной стороны, огромный золотой крест на его груди говорил о духовном сане (пусть даже бывшем), но, с другой стороны, отсутствие бороды (да что там бороды, волос на голове!) делало это предположение, мягко говоря, сомнительным.

Голосившие вовсю изрядно выпившие богатыри резко замолчали и с неподдельным интересом уставились на вошедшего. Нравы тогда были суровые, за такую вольность князь вполне мог укоротить наглеца на голову. Но странный монах-расстрига прошел между столами прямо к княжескому трону с такой уверенностью и невозмутимостью, что чуть ли не все решили, что он имеет на это право.

– Здрав будь, князь! – чуть нагнул голову Илюха (наклоняться до земли, как его учила Любава, он, конечно, не стал). – И вы здоровы будьте, мужики! – бросил он остальным.

– И тебе здравствовать... – Берендей лихорадочно прикидывал, как бы назвать странного гостя, – милчеловек.

– Да что же это делается-то! – заверещал было Микишка, но Берендей одарил его таким красноречивым взглядом, что тот тут же замолчал.

– Тут, что ли, в дружину богатырей принимают? – не дождавшись ответа от князя и не обращая внимания на верещание Микишки, продолжил вошедший. – Ну так я пришел. Стало быть, готов там, не щадя живота своего и так далее. Что касается оплаты, так это завтра прибудет мой адвокат, он за меня и подпишет все бумаги и перетрет все тонкости.

Зал дружно весело загудел, такого в княжеском дворе еще не было. Обычно претенденты на место в дружине вели себя значительно скромнее.

– Еще один, – буркнул Лихосватский.

– И куда мир катится?! – не удержался и заверещал дьячок. – То какой-то лапотник в дружину лезет, то расстрига окаянный. Это не деревенские посиделки, а дружина княжеская!

– Вот именно, княжеская, – прервал своего секретаря Берендей. – Вот я и решать буду.

На удивление всем присутствующим новый претендент в

дружину держался абсолютно спокойно. Создавалось такое впечатление, будто он абсолютно уверен, что его возьмут в дружину, и всякие такие формальности его не касаются.

– Ишь ты, какой шустрый! – хмыкнул явно повеселевшим голосом Берендей после некоторого раздумья. – В мою дружину попасть не так-то просто!

Ратники одобрительно закивали.

– Ну-ка, воевода мой верный, задай-ка этому молодцу задание, да потруднее.

– Дозволь мне, великий князь, – вмешался Лихосватский.

– Я же сказал, воевода, – отрезал Берендей.

Мартыну пришлось отступить.

Севастьян, все это время не проронивший ни слова, также внимательно рассматривал потенциального новичка. В общем, стриженный монах ему больше понравился, чем не понравился. В нем ощущались сила и правда, а такие сочетания в людях бывают крайне редко. Но уж очень он был странный, и тут даже не в одежде было дело. Странный настолько, что считающий себя знающим человеком старый вояка оставался в некотором недоумении. То ли дело давешний Муромец. Тут все ясно и понятно, однозначно станет лучшим богатырем в дружине, а этот....

Воевода отбросил сантименты, медленно встал со своего кресла и неторопливо подошел к бритому монаху.

За нарочитой медлительностью от Илюхи не скрылась вся мощь и сила этого уже немолодого воина. Пожалуй, чуть ли

не в первый раз в жизни Солнцевский понял, что с таким противником ему не совладать. Хорошо еще, что воевода только придумывал испытания, а не сам проверял претендентов.

– Как звать-то тебя? – крикнул Севастьян в густую бороду, изрядно подернутую сединой.

– Илья я! – гордо сообщил всем браток и не менее торжественно добавил. – Солнцевский!

– Гляди-ка, второй богатырь за день пожаловал, и тоже Илья! – не удержался от сарказма Лихосватский.

Витязи поддержали шутку зычным хохотом. Не поддержали общего веселья только три человека, тот самый первый Илья (как вы уже догадались, Муромский) и его два новых приятеля.

Воевода, не реагируя на невыдержанного сотника, продолжал с интересом оглядывать внушительную фигуру стриженного и впервые не мог решить, как бы испытать его. На первый взгляд у прибывшего почти не было слабых мест. Прекрасно развитый физически, Солнцевский выделялся своей мощью даже среди самых лучших богатырей.

– Пусть ведро воды тягает!

– Нехай подковы гнет! – неслись со всех сторон предложения.

– У, ребята... – протянул немного поскучевший Илюха. – Это все неинтересно, давайте на руках силой меряться!

Гул недоумения пролетел по залу.

– Ну армрестлинг!

– Чего?! – не выдержал Севастьян.

– Вы чего, не знаете, что такое армрестлинг?

– Ну у нас всякие диковинные хвори лекари лечат... – с опаской начал было воевода.

– Да какая хворь?! Мы всегда так с братвой решали, кому за добавкой бежать, – с этими странными для всех словами Илюха быстро согнал с дубовой скамьи нескольких богатырей и вытащил ее в центр зала.

После этого быстро объяснил правила и кивнул первому попавшемуся детине с обильным румянцем и немного детским выражением лица.

– Тебя как звать?

– Алеша Попович, – протянул громила.

– Ага, я из Солнцева, стало быть, я Солнцевский, а ты Попович, стало быть... ты из... – продолжать опасную тему Илюха не стал, тем более, что вокруг стали раздаваться смешки.

– Ну что, Попович, сможешь меня побороть?

– А чего тут мочь? Я кулаком быка на бегу могу завалить, а это так, баловство одно.

С этими словами под одобрительное улюлюканье толпы Алеша подошел к скамье и приготовился для новой забавы.

– Севастьян... не знаю, как вас по батюшке?

– Филиппович.

– Севастьян Филиппович, будете судьей.

– Кем?! – не веря своим ушам, возмутился воевода.

– Точно, мне в последнее время это слово тоже не нравится. Будете рефери, то есть присматривать за тем, кто проигрывает. Ну и, конечно, старт дадите.

Воевода недовольно поморщился. Но новая забава была вполне в духе дружинников, и старый воин сдался.

– Ладно уж, буду твоей реферей. Раз, два, три, старт! Солнцевский в одно мгновение положил руку соперника.

– Это нечестно, я не успел подготовиться! – завопил детинушка под свист приятелей.

– Базара нет, давай еще разок.

– Раз, два, три, старт!

И на этот раз результат оказался таким же. Где уж там, хоть и былинному богатырю, до выпускника спортивной школы ЦСКА.

Алеша покраснел до кончиков волос и сквозь зубы прорычал:

– Еще раз.

– Но только последний. Бог троицу любит.

Стоящие со всех сторон богатыри одобрительно загудели, что тут говорить, новая забава пришлась всем по душе.

К последнему, решающему состязанию Попович подошел более серьезно. Попытался успокоиться и расслабиться, потом, наоборот, максимально сконцентрировался и уверенно поставил огромную руку на скамью. Про себя Илюха отметил грамотное поведение Алеши, но страха быть побежденным у него не было совсем. И тут дело было не в том, что он

сильнее. Тут фишка была в опыте. Только с первого взгляда стороннему наблюдателю могло показаться, что всегда победит сильнейший. На самом деле даже в таком на первый взгляд простом деле есть огромное число разных приемов и хитростей. Именно их знание, помноженное на физическую силу, делали Илюху почти непобедимым.

– Раз, два, три, старт!

Богатырь героически выдержал первый напор Илюхи и потихонечку выровнял борьбу. Вокруг тут же раздались одобрительные возгласы. Зрители явно разделились примерно пополам и теперь начали активно делать ставки на исход состязания.

«Эх, надо было все-таки Изю с собой взять, вот бы он тут денег наварил!» – мелькнуло в голове Солнцевского.

Однако пора было заканчивать. Неожиданными резкими рывками Илюха почти мгновенно сломал сопротивление Поповича.

Возгласы восторга и разочарования смешались в толпе. Тут же были отданы проигранные деньги и все богатыри затихли, вопросительно взирая то на князя, то на странного стриженного гостя с огромным крестом на шее.

Князь сидел на своем троне и прямо светился от радости. Хандра, терзавшая Берендея, улетучилась, словно ее и не было. Новая забава явно пришлась по сердцу, и вопрос о принятии в дружину нового воина был уже решенным. Однако князь не хотел закончить развлечение так быстро, да и

богатыри явно требовали продолжения веселья.

— Кто-нибудь еще желает посоревноваться с Ильей Солнцевским? — зычно огласил зал князь. — Может, ты, Мартын?

— Я уже давно всем все доказал, надоело попросту силы тратить, — отозвался Лихосватский, уже по достоинству оценивший новичка.

— Дозволь мне, великий князь! — сквозь толпу протиснулся богатырь с окладистой бородой.

За его спиной тут же появились уже знакомые нам лица — Алеша Попович и Илья Муромец. Все три былинных богатыря смотрели на странного гостя с явным неодобрением.

— Что ж, Добрыня, проходи, — согласился князь и кивнул Севастьяну.

Воевода спокойно поправил локти спорщиков, взглядом отогнал особенно напивавших богатырей и поднял руку вверх.

— Задай ему, Добрыня! — крикнул было Попович, но осекся, нарвавшись на взгляд воеводы.

— Раз, два, три, старт!

Добрыня был старым, опытным воином, к тому же хладнокровным и максимально собранным. Поэтому он даже смог одержать победу в одном раунде. Но само состязание выиграл, конечно, Солнцевский, правда, активно применяя маленькие хитрости и весь свой опыт силового единоборства. Но, как говорится, важен результат, а он оказался для Илюхи вполне подходящим. В конце состязания падкие на

такие развлечения богатыри уже бурно скандировали:

– Солнцевский! Солнцевский!

«Эх, видела бы меня сейчас братва, – подумалось Илюхе, – от зависти бы лопнули».

Единственное, что огорчило радость победы, так это такой маленький моментик, что отныне у него появилось три очень серьезных недруга – три былинных богатыря.

Так уж получилось, что ни один из них никогда никому не проигрывал, и простить Илюхе такой поворот событий они не смогли.

Солнцевский даже попытался перевести все в шутку и побрататься с тремя хмурыми личностями, но эта попытка с треском провалилась.

Буркнув что-то типа «не люблю проигрывать», Добрыня растворился в толпе. Алеша тоже пропыхтел что-то недовольное и матерное, отправился за ближайший стол заливать горечь поражения ковшами водки. Муромский же смотрел на Илюху так выразительно, что подходить к нему как-то расхотелось.

– Ладно, богатырь, потом помиритесь, они, в сущности, хорошие ребята, – спокойно пробасил Севастьян. – Пошли, князь с тобой говорить хочет.

Илюха пожал плечами, вздохнул и, привычно смахнув с себя проблемы, радостно зашагал вслед за воеводой.

Между тем выдавший виды тронный зал превратился в огромный клуб армрестлинга. Столы за одно мгновение бы-

ли отодвинуты в сторону, бояре оттеснены в сторонку, а brave молодцы самозабвенно принялись выяснять, кто из них сильнее. Делались ставки, звенели монеты, стоял веселый гул, то и дело прерываемый словами: раз, два, три, старт!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.